

18+

ИРИНА
КИКИНА

БОГИ
КАК
БОГИ

Ирина Кикина

Боги как боги

«Издательские решения»

Кикина И. Е.

Боги как боги / И. Е. Кикина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984240-4

Как взбудоражить беспечных богов? Предложить им небывалую забаву — сложный, жестокий мир человечков, где можно попробовать столько нового: несправедливость, боль, недуги, смерть. Где можно перемерить тысячи профессий, миллионы судеб, бессчётное множество форм жизни. Где можно показать свою истинную сущность, невозбранно пошалить, подразнить слабых и смешных людишек, позлодействовать или погеройствовать. Боги от души развлекаются и пока не знают, что за удовольствие придётся дорого заплатить...

ISBN 978-5-44-984240-4

© Кикина И. Е.

© Издательские решения

Содержание

Конкурс	6
Заложница обстоятельств	9
Финальная распродажа	12
Забудьте всё, чему вас учили	18
Звёздное интервью	22
Экскурсия	26
Новостишки и новости	33
Только для влюблённых	36
Под цветущей яблонькой	41
Дневник пропавшего вестника	44
Настоящее!	44
Мастер-класс	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Боги как боги

Ирина Евгеньевна Кикина

© Ирина Евгеньевна Кикина, 2025

ISBN 978-5-4498-4240-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конкурс

– Вы уже начали трансляцию? – спросил бог-организатор, вынимая шальные молнии из густой кудрявой бороды.

– Сейчас начнём, – с отработанной улыбкой ответил бог-вестник, обстоятельный, слегка лысеющий, с приятной внешностью и манерами, вызывающими доверие и расположение.

– В реальном времени?

– Насколько понятия «реальность» и «время» применимы к богам. Отредактировать, вырезать и склеить материал не получится, если вы об этом.

– Хорошо. Я готов.

Бог-организатор расправил складки белейшей тоги. Интервью решили провести в павильоне, где всего час назад закончило работу высокое жюри. Стены павильона были сплетены из лучей света, а произведений было так много, что между ними едва можно было протиснуться бочком. Зато создавалось впечатление масштабности и значимости мероприятия.

– Отлично, приступим, – хлопнул в ладоши лысеющий вестник. – Расскажите, как вам пришла идея конкурса.

– Так получилось, что множество молодых, перспективных богов-креаторов вынуждено работать «в небытие». Их произведения видят только родные и ближайшие друзья, – размеренно начал бородатый организатор. – Мы решили исправить эту ситуацию и предложили им поучаствовать в конкурсе «Лучший из миров». Условия мира – совершенно произвольные, ведь «лучший» – понятие относительное и зависит от точки зрения. Сегодня мы наконец увидели готовые работы и смогли оценить полёт фантазии креаторов.

– Все желающие боги могут моими глазами посмотреть на представленные работы, – вставил вестник, прищуриваясь. – Расскажите о них подробнее.

– С удовольствием. – Бог-организатор откашлялся. – Всех, к сожалению, сейчас охватить не смогу, так что остановлюсь только на лучших произведениях. – Он проследовал к первому миру, окружённому густыми туманами. – Вот очень занятная работа, здесь нет твёрдой поверхности. Все формы жизни, населяющие эту работу, вынуждены летать, парить, наездничать или прыгать, отталкиваясь от других существ. Приглядитесь для наших зрителей, очень интересная задумка и недурное исполнение.

Бог-вестник придвинулся ближе, аккуратно подул на туманную зыбь и хорошенько рассмотрел любопытный биоценоз. Потом мягко соединил края облаков пальцами.

– Очень оригинально.

– Вы находите? А вот тоже замечательная вещь. Здесь разумные существа рождаются утром и умирают вечером, за ночь их плоть истлевает, но с зарёй они вновь восстают из праха. Что самое интересное, они сохраняют память обо всех стадиях своих метаморфоз. Какая глубина переживаний, какие философские концепции, какое самобытное искусство у жителей этого мира! Крайне интересно вселиться в одного из них и провести в его оболочке хотя бы сутки, а лучше двое. В данный момент боги-строители возводят облачную галерею, и когда этот мир будет выставлен, любой желающий сможет прочувствовать всё сам.

– О, галерею я с удовольствием посмотрю.

– Ждать не больше часа, мой друг, строительство началось этим утром.

– Чудесно! А что расскажете об этом произведении? – бог-вестник указал на конструкцию, напоминающую песочные часы.

– Два мира-близнеца. Один диаметрально противоположен другому почти во всех законах, физических и социальных. Умирая, житель мира А попадает в мир-отражение Б и начинает приспособливаться к новым условиям, постепенно теряя память о предыдущем существовании. Целую жизнь следует новым канонам, умирает, снова попадает в мир А, совершенно

ничего не зная о его правилах. Он помнит лишь те нормы поведения, которым научился в мире Б и которые теперь только мешают ассимилироваться. Опять же, преодолевает все трудности, впитывает новые для себя законы, забывает мир Б, умирает, попадает в мир-отражение... и так до бесконечности. Очень смелое решение! Тоже сто́ит прожить.

– Вижу, среди креаторов популярны интерактивные миры.

– В их среде это в моде. Чем интерактивнее мир, тем интереснее его творить.

– Скажите, пожалуйста, – спросил бог-вестник, – какая награда ждёт победителя?

– Изначально мы планировали, что победитель будет один, и именно его мир обретёт бытие. Но потом высокое жюри (замечу, члены Союза креаторов) попросту растерялось. – Организатор выразительно развёл руками, чуть не задев мир, похожий на вертушку. – Столько достойных работ, и все, кроме одной, должны стать лишь неодушевленными экспонатами. Было решено, что лучший мир будет признан главным, а самые оригинальные миры-финалисты станут для него параллельными. Естественно, бытие будет даровано всем мирам, выставленным в галерее.

– Креаторы, удивившие судей, получают известность и, возможно, благодаря этой трансляции смогут найти новых заказчиков, – зазывающим тоном проговорил репортёр.

Все боги, подключившиеся к эфиру, ощутили любопытство и ненавязчивое намерение посетить конкурсные миры: так убедительна была манера этого приятного, лысеющего вестника.

– Мне уже не терпится показать вам жемчужину нашего собрания. Остальные работы при желании можете подробно осмотреть позже, я с удовольствием отвечу на все вопросы.

– Да-да, скорее к «Лучшему из миров»!

Бог-организатор направил собеседника к скромному голубо-зелёному шарiku и его столь же скромному юному создателю.

– Через минутку ответите мне на пару вопросов? – заговорщицки шепнул вестник потупившему взор креатору.

– Это наш безусловный лидер, – сиял бог-организатор. – Мир, сложный настолько, что можно веками, эрами проживать его за всех разумных персонажей. Каждый со своими способностями, изъянами, травмами. Но и это не всё. Можно начать с самого начала, с первых зачатков жизни, проследить эволюцию шаг за шагом, опять же, в шкуре оригинальнейших существ, борющихся за жизнь. Можно перескочить к концовке истории доминирующего вида, концовке изящной и логичной. Признаюсь, я плакал. – Бог-организатор буквально подталкивал вестника взглянуть поближе. – В этом мире нет ничего лишнего, вычурного, сверхъестественного. Только блеснёт изредка лёгкий намёк на существование чего-то запредельного, божественного. И несчастные создания мечутся в поисках абсолюта. Такая трогательная поэзия, такая разыгранная по нотам безысходность! Я не в силах в полной мере описать мир-победитель. Его надо прожить. Каждый найдёт в нём что-то своё.

– Браво, маэстро, браво! – похвалил бог-вестник, вглядываясь в пыльные континенты свежего шедевра. – Думаю, это творение произведёт фурор. Множество богов захочет примерить на себя оболочки обитателей вашего мира...

Вестник говорил всё тише и тише. Он забыл об организаторе, о креаторе, о зрителях, просто заворожённо смотрел в калейдоскопическое смешение судеб. Невозможно было сопротивляться странному притяжению этого голубо-зелёного шарика.

– А можно оставить мой мир, как есть? В небытии? – тихо спросил победитель.

– Что ты такое говоришь? – возмутился бог-организатор. – Он должен стать достоянием общества, чтобы все его увидели, прочувствовали, прожили, чтобы все о нём говорили, все восхищались! В статике он будет бездушной фальшивкой. Только по-настоящему ожив, этот мир в полной мере раскроется и выполнит своё предназначение.

– Это будет слишком больно, – почти прошептал креатор.

– Что ж, такова плата за великое искусство. И потом, кому будет больно? Выдуманным тобой персонажам? Не убивайся так по ним. Других создашь, ещё лучше. Я уже задумал новый конкурс. Рабочее название «Смертность не порок». Как тебе?

– Ничего, – бесцветным голосом ответил молодой бог.

– Ну вот и хорошо. Как победитель этого сезона, выставишь работу вне конкурса.

– Как скажешь, отец, – согласился креатор и с тоской оглянулся на мир, в котором одурманенный вестник проживал тысячи жизней одну за другой.

Заложница обстоятельств

Всё бывает в первый раз. Иногда такой дебют вызывает радость, иногда досаду, а порой – страстное желание, чтобы подобного в твоей жизни вообще не было.

Вот Риту, например, в первый раз взяли в заложницы. И право пережить этот волнующий и редкий опыт она с удовольствием уступила бы кому-нибудь задаром.

Естественно, собираясь в банк с претензией, девушка закладывала как минимум два часа на очереди, всяческую бумажную волокиту и прочие задержки. С работы отпросилась до обеда, чтоб уж наверняка. Но такого выверта никак не могла предугадать.

Грабить банк явились трое. Маски из чёрных колготок, чёрные спортивные костюмы, чёрные спортивные сумки, чёрные пистолеты (вряд ли спортивные). Юные смешные голоса, шаблонные угрозы. Сценарий ограбления – как в плохом кино. Выстрелы в потолок, запуганные посетители, пухлые дамы в окошках касс, с непривычной расторопностью выгребающие деньги для лихих молодчиков.

Все сидели тихонько, как мышки, скрючившись по углам. Один из бандитов пустился по кругу с мусорным пакетом, привычно и естественно, будто ещё вчера обходил со шляпой толпу зевак вокруг уличных музыкантов. В пакет сыпались телефоны, кошельки, ювелирка. Товарищи-грабители матерком подгоняли и парня с пакетом, и кассирш.

– Прошу прощения, это какое-то представление? – интеллигентным шёпотом осведомился привлекательный мужчина, подползший поближе к Рите.

– Тише, пристрелят! – прошипела девушка.

Мужчина покивал. Лицо у него было совершенно безмятежное, будто ему сделали замечание в библиотеке. Ухоженный, гладко выбритый, с импозантной сединой на висках. На вид рассудительный, без всякой сумасшедшинки в глазах. Только одет очень странно: точно со съёмочной площадки фильма о Древнем Риме сбежал. Непохоже, чтобы под кайфом, хотя Рите ли, примерной девочке, о таком судить?

– Э, чмо в балахоне! Всё ценное в мешок! – ломающимся голосом потребовал юнец, дойдя до Ритино угла.

Девушка вжалась в стену. Похоже, оригинал в тоге сейчас что-нибудь отмочит. А нет ничего хуже для заложницы, чем оказаться рядом с сумасбродом, готовым что-нибудь отмочить. Подростки, прячущие лица в колготках, вряд ли метко стреляют...

– Прошу прощения, – всё так же интеллигентно отозвался мужчина, – что вы считаете ценным?

Рита начала вспоминать «Отче Наш», чего не делала лет с семи, когда детские молитвы не спасли очень набожную, очень добрую, но очень больную бабушку.

– Харэ ваньку валять! – занервничал грабитель, наставляя на блаженного дрожащий пистолет. – Телефон, часы, золото, деньги!

– Эх, юноша... – безмятежный дядя покачал головой, словно хотел вразумить непутёвого сына. – Эти ценности иллюзорны. Вам они не принесут ни счастья, ни здоровья, ни любви окружающих. Только минутное удовольствие. Но раз уж вы так настаиваете...

Он сунул руку в складки тоги и, как заправский фокусник, вынул ворох зелёных заокеанских и радужных забугорских бумажек. У агрессивного юнца отвисла челюсть, и рука с пистолетом опустилась градусов на двадцать. Рита смотрела во все глаза. А фокусы продолжались.

Как Царевна-лягушка, мечущая лебедей из рукава, этот кудесник доставал из своей тоги всё новые сокровища. С десяток телефонов несправедливо завышенной цены посыпалось в мусорный мешок подростка. Потом несколько штук наручных часов, обвисших в мощном кулаке трюкача, как букет полевых васильков, который долго несли до вазочки по солнцепёку,

да так и не донесли. Два других бандита застыли, наблюдая за появляющимися ниоткуда богатствами. Даже полные денег сумки не застегнули.

Рита опомнилась и начала по миллиметру отползать подальше от массовика-затейника. А тот пошёл на коронку. Достал из тоги изобилия две щедрые горсти бриллиантовых украшений и золотых монет, заманчиво блистающих в стерильном банковском освещении. Да вот досада: застёжка одного ожерелья зацепилась за плотную ткань одеяния, иллюзионист неловко потянул, и драгоценности задорно раскатились по всему полу. Позабыв обо всём, начинающие грабители бросились поднимать сокровища, да так и застыли, едва коснувшись вожаемого металла.

Заложники и кассирши замерли, ожидая подвоха. Прошло с полминуты, но алчные подростки в чёрном так и не распрямились. Посетители банка недоумённо переглядывались, а ряженный чудодей, как ни в чём не бывало, прошёлся по залу, подбирая пистолеты, играючи загибая вверх их чёрные стволы и брезгливо отбрасывая. Окинул взглядом зал и присутствующих, покачал головой и вышел в стеклянные двери.

Видя, что злоумышленники обезврежены, люди стали несмело подгребать упавшие поблизости от них брюлики и монетки. Кто-то, хихикнув, ткнул пальцем одного из грабителей, согнувшихся в позе дачника, и живая статуя рассыпалась в пыль. Остались лишь колготки да комплект спортивной одежды.

Посетители заорали, накинлись на добро. Завопили сотрудницы, заревела сигнализация. Бабули ползали по полу на карачках. Двое приличных мужчин в костюмах вырывали друг у друга мусорный пакет с телефонами и кошельками. Четверо или пятеро дрались за спортивные сумки. Рита бочком-бочком пробралась к двери, выскользнула наружу, отыскивала взглядом приметного мужчину в тоге. Тот беззаботно насвистывал, переходя на красный свет кишащую транспортом дорогу.

– Эй! Подождите! – отчаянно закричала Рита.

Естественно, тот не обернулся. Девушка сломя голову кинулась следом. Удивительно, но беззаботного дядю не расплющил маршрутич-лихач, не задела чикюля с купленными правами и шикарнейшей машиной известного происхождения. Ещё удивительнее, что Рита тоже благополучно перебежала на другую сторону.

– Стойте, – запыхавшись, выдавила она и ухватила ряженого за руку.

Будто током прошибло. Нет, будто давняя безответная любовь впервые ласково взглянула. Нет, будто падаешь с огромной высоты в ледяную воду... Не то, опять не то. Позже, вспоминая это ощущение, бывшая заложница никак не могла подобрать верные слова, близкую аналогию. Просто решила называть это «ох».

– Да? – Фокусник вежливо улыбнулся, оборачиваясь.

– Как у вас... это получилось? – спросила девушка, чуть оправившись от «ох».

– Не люблю, когда мне грубят. Я не местный, и точного значения слова не понял, но интонацию уловил.

Не зная слова «чмо»? Ну допустим.

– А откуда у вас золото? Как вы его достали? Как вы их обездвигили и как согнули пистолеты голыми руками? И вообще, вы что, актёр или циркач? Почему на вас тога?

Рита тараторила, не переставая. Её била крупная дрожь, руки были трупно-холодные, живот крутило. Запоздалая реакция изнеженной жительницы современного города.

– Милая, да на вас лица нет. Ничего удивительного: для вас, наверное, сильное потрясение. – Интеллигентный чудак покачал головой. – Не каждый день видите бога в действии. Клянусь, я не хотел вас напугать. Я не стал бы проявлять себя, если бы этот молодчик не принялся дерзить. Как положено ценителю прекрасного, я позволил бы логике шедевра нести меня, как несёт река. Но стерпеть оскорбление было выше моих сил. Ещё раз извините.

– Да ничего... – проблеяла Рита. Ноги её подкосились, и привлекательный бог иллюзий (бог!) поймал девушку за локоть. – Вы мне жизнь, можно сказать, спасли... То есть всем...

– Ах, ну так это меняет дело! – просиял симпатичный собеседник. – В таком случае, вы не откажете мне в услуге. Я впервые заглянул в «Лучший из миров», и пробыть здесь смогу недолго. Дела, дела. Может, покажете мне что-нибудь интересное?

Интересное... Что может быть интересно богу? Ладно, по ходу разберёмся.

– Сейчас, только с работы отпрошусь, – решила Рита, набирая номер начальницы.

С богом она встречалась в первый раз в жизни.

И этот опыт не уступила бы никому.

Финальная распродажа

Откуда берутся боги? По-разному. Всё больше рождаются, сотворяются, отпочковываются и другими способами отделяются от уже существующих богов. Зафиксированы случаи появления новых небожителей из бедра, из головы родителя, из предметов, использованных родителем. Однажды боги-близнецы вылушались из ягодиц отца, и, как многие близнецы, оказались совершенно непохожими. Один стал богом лени, другой – богом безрассудного авантюризма.

В наши дни всё реже появляются самородки. Эти берутся прямиком из Хаоса Изначального, обманчиво-спокойно лижущего края пористой оладушки – обжитого мира. Побарахтается бог-самородок среди Хаоса, прибьётся к уютному берегу. Встречайте: вот он я, новенький, голенький! Уж потеснитесь. Население ворчит, скрипит, но теснится. Заходи уж, если воплотился. Места более чем хватает. Набросай облаков на край берега, притопчи – вот и расширишь обитаемые просторы. А то позови команду богов-специалистов: архитектора, ландшафтного дизайнера, дизайнера интерьера и пяток богов-строителей. Они тебе песочку натворят, пальмочек, особнячок приятного цвета. Это, конечно, если есть, чем расплатиться.

Некоторые новички притаскивают из Хаоса Изначального занятные сувениры. Хаос плодит диковины безостановочно, но далеко не все они оказываются ценными, полезными или хотя бы безопасными. Ежегодно команды богов-деконтаминаторов обходят берега Вечно Изменчивого. Выбрасывают бесполезное, уничтожают опасное. Потенциально ценное свозят в особые склады. Так как в большинстве своём боги ленивы и бесшабашны, эти склады за целую вечность разобрали всего раза два.

И вот однажды прибил к берегу бог. Новенький, голенький. Бледный, с голубыми венками. Тонкий, гибкий. Рыжеволосый.

Было прохладное розовое утро. Нежно золотились очертания склада, с которого, отряхиваясь от пыли и перебрасываясь цеховыми шуточками, выходили уставшие деконтаминаторы. Рыжий понаблюдав за ними издали. Прислушался к речи. Присмотрелся к движениям. Пожал плечами и отправился исследовать склад.

Хотя голенький бог только появился в этом мире, кое-что он уже о себе знал. Например, что трудиться не любит. И ещё знал, из всех божественных способностей ему даны только базовые: физическая сила и бессмертие, – да плюсом кучее ясновидение и умение произвольно изменять облик. А значит, придётся выкручиваться за счёт смекалки.

Склад был тихий, затхлый, скучный. Одинокое бродила задняя половина коровы. В глубине здания что-то противно жужжало и бренькало. Два бездонных сосуда прыгали в воздухе, переливая медовые сгустки из пустого в порожнее. Нечто вроде дырявого ботинка с шипастым хвостом ползало по пылевым барханчикам. Рыжий громко чихнул и принялся разбираться.

Уже к вечеру он обошёл весь склад (даже для бога утомительная задача). Примерно запомнил, что где лежит, течёт, обитает. Среди свалки разнообразного тряпья нашёл что-то почти приличного вида, чтобы наготу прикрыть. Весело жуя лапку гигантского кузнечика, мысленно составил план работ. Дёрнул себя за ухо, принял облик одного из виденных давеча богов и отправился изучать окрестности и общество, в котором предстоит вращаться.

Придя на склад под утро с новой порцией сюрпризов, деконтаминаторы обнаружили там невысокого, но очень мощного смуглого бога. Он суетливо выстукивал что-то на хитром приспособлении с шайбочками на стерженьках, ругался сквозь зубы, хватал то одну диковину, то другую. Завидев команду, он всплеснул руками, уронил прибор с шайбочками, споткнулся и рухнул в пыльную дюну. Деконтаминаторы поулыбались в усы, пока низкорослый бог отплёвывался и выкарабкивался на твёрдую поверхность. Потом им стало не до смеха.

– И какого фавна мы опаздываем? – разъярённо проревел коротыш. – Вы должны были явиться сюда ещё на закате!

– Постой, о могучий и лучезарный, – вежливо начал бригадир, здоровенный детина с косичками в бороде, – кто ты такой и по какому праву...?

– Кто я такой? – чуть не захлебнулся собеседник. – Вам что, не отправляли директиву?

– Какую ещё директиву?

– Вопросы, вопросы, у меня нет времени на вопросы! Не читали директиву – можете поискать её вот в той куче скрижалей!

Низкорослый буян махнул рукой в сторону огромной горы из каменных плит. Вершина её, похоже, подпирала крышу склада.

– Я и так всю ночь сортировал этот хлам в одиночку! А они приходят все в серебряной росе и с невинными глазками вопросы задают!

– Не кипятись, о могучий и лучезарный, – вклинился другой деконтаминатор, с добродушной миной и неохватным животом. – Здесь какое-то недоразумение. Давай сядем и обсудим всё, как взрослые боги.

– Да некогда садиться, – неожиданно спокойно отозвался коротыш. – На закате инспекция прибудет. А у нас тут пегас не валялся. Дай-ка.

Он внаглую отобрал у одного из членов команды штатный всасыватель – инструмент для сбора мелких порождений Хаоса. Отстегнул мешок, вытряхнул содержимое. Содержимое начало медленно расползаться. Суетливый бог приложил мешок ко рту, натянул ткань, с силой подул, чтобы проверить герметичность.

– Сойдёт. Так, смотрите. Тут вдоль стены я выставил все наличные контейнеры. Собирайте пыль, высыпайте сюда. Если ёмкостей не хватит, будем думать.

Деконтаминаторы оглядели разнокалиберные кадки, бады, корыта, надувные бассейны и прочую тару.

– Вообще-то мы смену отработали, – недовольно сказал кто-то. – И домой собирались. К жёнам и детям.

– В нектарную вы собирались, – продемонстрировал своё ясновидение крепыш. – К холодненькой амброзии. Я тоже двое суток не спал, – и что, это кого-то волнует, кроме меня? Значит так, у кого нет всасывателей?

Четверо деконтаминаторов неуверенно подняли руки.

– Пока эти пыль собирают, вы за мной. Будете помогать сортировать. И сегодняшний улов прихватите.

Он увёл было группу в глубь склада, но тут бригадир снова подал голос:

– Уважаемый, ты нарываешься. Мы тебя не знаем, никаких директив не получали, смену отработали. С какой стати мы должны тебе подчиняться?

Коротыш упёр сильные руки в бока и заговорил тихо и предельно убедительно:

– А с такой. Незнание директивы не освобождает от ответственности. Кто хочет с директивой ознакомиться, повторяю: где-то в той куче. Объясняю первый и последний раз, – он стал загибать пальцы для доступности. – Позавчера было распоряжение о реструктуризации склада. Вчера за час до заката вы должны были вместо обычного обхода явиться сюда и начать уборку и сортировку всего добра и зла, что здесь скопились. Целую ночь я вкалываю тут один, как проклятый, а вы шлётесь неизвестно где. За сегодня нужно навести здесь красоту, иначе будет огромный втык и мне, как ответственному, и вам, как нерадивым исполнителям. Инспекция прибудет на закате. Если не забракуют, всем три дня отгула. Хватит лясы точить, за работу!

Неучливый бог потащил четверых деконтаминаторов в тёмное чрево склада. Оставшиеся члены бригады поворчали, побурчали, но в итоге взяли всасыватели и принялись за генеральную уборку. Слишком уж уверенный и напористый этот карандаш. Видимо, и впрямь от начальства.

По всему огромному помещению разносились указания.

– Так, ты! Всё живое вот по этим клеткам рассовать. Когда клеток не хватит, импровизировать. Вот эти рамы должны быть прочные. Соединишь их как-нибудь.

– А если среди этих тварей есть хищники, и они друга жрать начнут?

– На здоровье, место освободят! Лишь бы из клеток не выбрались. Всё, что неживое, но шевелится, тикает, вибрирует, вот на эти полки. Чтобы сразу от входа было видно и зверей, и эти механизмы. Остальное, неживое, распределить логично и компактно.

– Как это – логично? – не понял добродушный пузатый бог.

– А так. Если с виду вещь целая и готовая к работе – поближе. Если материал целый и готов к использованию – следом. Дальше сломанные вещи и испорченные материалы. В самом конце неопознанные предметы. Выполняйте, я пока проверю, как там ваши коллеги.

Весь день коротыш сновал туда-сюда между деконтаминаторами. Руководил, пояснял, поправлял. Охрип, запыхался. Зато уже к полудню вся пыль была в контейнерах, а склад стал постепенно приобретать вид организованного хранилища.

Работа спорилась, бригада вошла в трудовой ритм. Кто-то пел, кто-то истово ухал, кто-то молча потел. Ближе ко времени «Ч», на финальном этапе уборки, коротыш от души поблагодарил всю команду за проявленный энтузиазм и почти отпросился поспать хоть чуть-чуть до прибытия инспекции.

– Иди, что уж, – разрешил бригадир с бородой в косичках. – Я же вижу, еле на ногах держишься. Мы разбудим. Ребята, давайте последний лоск наведём и закругляемся.

Инспекция не заставила себя долго ждать. Высокий остроносый бог в тоге с серебряным отливом явился незадолго до заката. Осмотрел наскоро прибранный склад. Сделал несколько мелких замечаний, но, в целом, остался доволен.

– А где ответственный?

– Он... эээ... пошёл обновлённый план склада составлять, – соврал бригадир. – Вот-вот будет.

Коренастого бога потихоньку искали с самого прибытия инспектора, но так и не нашли. Заснул где-то среди гор, кип, штабелей и рядов разнообразных порождений Хаоса Изначального.

– Ну что ж, мне недосуг его дожидаться, – неодобрительно прогнусавил инспектор. – Передайте, что работу я принял. Как и было обещано, всем, кто был задействован в реструктуризации, полагается трёхдневный отгул.

– А что будет через три дня? Куда нам новые находки относить? – спросил пузатый деконтаминатор.

– Сюда же. Значительную часть объектов хранения спишут и утилизируют. Либо пристроят куда-нибудь. Так что места будет достаточно.

Обрадованные перспективой отдыха боги отправились наконец в нектарную. Инспектор подождал, пока они скроются из виду, вошёл в склад и запер за собой дверь. Дёрнул мочку уха и превратился в тонкого, бледного, рыжего бога-юнца. Теперь можно и выспаться. А завтра наступит фаза 2.

На следующее утро над входом в склад красовалось огромное объявление:

«ТОЛЬКО ТРИ ДНЯ

ФИНАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА!

СКИДКИ ДО 70%!

ТОВАРЫ ДЛЯ ДОМА, САДА И ХОББИ»

На каждой вещице внутри склада была любовно приклеенная бирочка с перечёркнутой несусветной цифрой и выделенной пожирнее цифрой чуть менее несусветной.

Первые посетители явились довольно скоро. Это были чернокудрый, полноватый и очень обаятельный бог и некрасивая молодая богиня с бурой помадой на губах и кислотно-зелёной вязаной шалью-сеткой на плечах.

– Ну я и говорю, мол, я же никогда подобным не занимался. Я статьи пишу, а не веду передачи. А они мне, мол, из наличных богов у тебя ближе всего специализация. Так что заменишь пропавшего вестника.

– А его так и не отыскивали? – без особого интереса спросила богиня. Судя по деланно-ровному тону, это была коллега чернокудрого, притом весьма им очарованная.

– Да похоже, что особо и не пытались. Разве найдёшь бога, если он не хочет, чтобы его нашли? Сам вернётся. А я постараюсь заменить его. По мере сил. Глядишь, публика меня и полюбит.

– Не сомневаюсь, – чуть насмешливо сказала бурогубая и покрутила в руках бугристую керамическую фиговину непонятного назначения. – А где продавец?

К ней уже спешил тщедушный бог с горбатым носом и печальными глазами.

– Пгошу пгощения, клеил ценники. Чем могу помочь, о дивная и сиятельная?

Некрасивая дева криво улыбнулась в ответ на напыщенную формулу приветствия.

– Я ищу подарок для матери. Что-нибудь эпатажное.

Худосочный продавец задумался.

– Не желаете ли товагы для декого? Сейчас самый писк – это пыльные вечегинки. У нас есть совегшенно особенная пыль веков. Поплотнее набиваете ею облако и пускаете по помещению. Пгидаёт любому дому таинственный и винтажный вид. Тагу можно потом использовать в интегье.

– А чем плоха обычная пыль?

– О, она жёсткая, колкая, непгипятна на коже. Наша уникальная пыль веков имеет мягкую стгуктугу и неповтогимые потгегбительские свойства. Пгосто пощупайте, и вы больше не захотите пользоваться дгугой пылью. Да и где вы набегёте достаточно обычной пыли, если вечегинка уже чегез несколько часов?

Посетительница задумалась. Мать любила всякие странные сборища, и компашка у неё продвинутая, все авангардисты. Они наверняка оценят пыль веков.

– Давайте посмотрим, что у вас ещё есть, я потом выберу.

– Это зеркало неправильно отражает, – заметил пухлый коллега.

Он смотрел на своего двойника за бронзовой гладью. Двойник не отличался хорошими манерами: гримасничал, показывал неприличную пантомиму и, похоже, выкрикивал ругательства.

– Ну что вы, оно отгажает пгавильно, но в своём стиле, – пояснил продавец. – Это зегкальце-ковегкальце, идеальный вагиант для бога, желающего пгеодолеть стгах пегед публикой. – Тощий продавец нежно погладил вычурные завитки, обрамляющие бронзовый овал. – Тгенигуйтесь пегед ним ежедневно, и вскоге самая недобгожелательная аудитогия будет вам нипочём. Кстати, это я ещё звук пгиглушил. А так – полная достоверность. Зеркало опгвеггает ваши доводы, смеётся над умозакключениями, улюлюкает и оскогбляет. Если вы сумеете угкотить своё отгажение, вам будет по зубам самый агрессивный оппонент.

Исполняющий обязанности вестника задумался. Его спутница нетерпеливо притопнула ножкой в безвкусных кружевных сапогах с открытым мыском.

– Да, подажок. У вашей матеги есть хобби? Могу пгедложить набог «Собеги себе ггифона». Это целая сегия. В ассогтименте химега, сфинкс, минотавг, кгылатый кабан.

– Теперь понятно, для чего половина коровы.

– Естественно. Могу также посоветовать готовых ггифонов и пгочих мифических существ. Пгодаются попагно – мальчик и девочка.

Измождённые грифоны тоскливо смотрели вникуда.

– Они уродливые и худющие.

– Ге-галь-ди-чес-ки-е, – с расстановкой поправил продавец. – Они такие и должны быть. Можно использовать для охганы дома, можно натгавить дуг на дуга и обгатить в камень. Будет геалистическая статуя «Богющиеся ггифоны», идеально для укташения пагков и фонта-нов.

– Дом моей матери не от кого охранять, – задумчиво протянула посетительница, поводя острыми плечами.

– Охганяют не от, а для, – наставительно заявил горбоносый бог. – Для статуса. Кстати, статусы у меня тоже есть!

Он подвёл покупателей к огромной горе скрижалей. На ближайших виднелись довольно странные надписи: «Не убий», «Погладь кота, спуко», «Утро добрым не бывает», «Узбагойзя», «Бог погоды уже не тот», «Давай, до свиданья!».

– В ассогтименте!

– Я не понял, – признался упитанный обаяшка.

– Всё пгосто. Хотите, чтобы окгужающие знали, какие вас посещают мысли, в каком вы настгоении?

– Мне для этого достаточно просто подумать, – хмуро буркнул новый вестник.

– Думать может каждый, – хмыкнул иссушённый торговец, – а хогоший статус есть не у всех. Одну из этих замечательных скгигалей можно пгикгепить на лужайке пегед домом, на колеснице, в пгигёмной. Есть облегчённые вагианты для ношения на шее. Очень модно в этом сезоне. Сыну (ваш говесник пгимегно) целый комплект подагил. Так он в востогге был!

Молодой бог поколебался, потом принялсЯ изучать подпирающую потолок кучу статусов, откладывая в сторонку наиболее близкие по духу.

– Возьмёте десять – одиннадцатый бесплатно! – пропел торговец и снова вернулся к вопросу эпатажного подарка.

– Вот здесь у нас есть весьма интегесные пгедставители фауны. В качестве домашнего питомца очень необычны. Появиться с таким в обществе – пгивлечь к себе все взгляды. Как пгойтись по улице с мугавьедом на поводке.

– С кем, простите?

– Любимый звегь эксцентгичных твогцов. Сейчас нет в наличии, к сожалению.

Богиня с сомнением покосилась на «интересных представителей фауны». Это как же надо мать не любить, чтобы такой подарочек подсунуть...

Взгляд её остановился на двух бездонных сосудах, которые прыгали в воздухе, переливая медовые густки из пустого в порожнее.

– А вот это интересная вещица.

Она обошла кругом живую инсталляцию.

– У вас тонкий вкус! Эта пгелестная пара сосудов демонстгигует общую тщету и бессмысленность какой-либо деятельности...

– Спасибо, я искусствовед, в тщете и бессмысленности разбираюсь, – прервала его некрасивая богиня. – Хочу на днях посетить новую галерею, чтобы разгромить какое-нибудь из произведений. И посмотреть на «Лучший из миров», конечно же.

Она задумчиво потёрла подбородок, любуясь сосудами. И впрямь, демонстрируют тщету и бессмысленность. Но смотрятся как-то одиноко.

– А вот есть ещё замечательная вещь для довегшения ансамбля.

Продавец указал на другую инсталляцию: замкнутую квадратом лестницу, движущуюся всё время вверх. По ступенькам стекали мягкие кругляши с двумя стрелками, закреплёнными в центре, и с символами по кругу.

– А эта композиция говогит... Впгочем, вы лучше меня знаете, о чём она говогит.

Вот теперь всё на своих местах!

– Беру обе! – решительно сказала бурогубая и сиятельная. – И бочку пыли, пожалуйста. У вас есть доставка?

– Отличный выбог! Доставку могу организовать после заката, – пообещал продавец.

– А мне, пожалуйста, зеркальце-коверкальце. И наборчик статусов. Тоже с доставкой, – вклинился чернокудрый пухлячок.

Гора отобранных им скрижалей была ненамного ниже кучи отвергнутых статусов.

Торговец одобрил и этот выбор. Обещал привезти всё после заката. Покупатели оставили адреса, расплатились. Ушли, довольные модными приобретениями. Картавый продавец погладил мочку уха, хитро улыбнулся и поспешил к новым посетителям.

«Надо будет потом заценить этот „Лучший из миров“, здесь явно есть какой-то профит. – На мгновение волосы предприимчивого бога блеснули рыжиной. – И грифонов не забыть покормить, а то не справятся с доставкой».

А уж когда разойдётся весь этот хлам, можно будет и пальмочек сообразить, и особнячок приятного цвета на берегу родного Хаоса Изначального. Небось, ещё и на талантишко какой-нибудь средства останутся. А не останутся – невелика беда. В этом наивном мире всегда найдутся те, на ком можно заработать.

Забудьте всё, чему вас учили

Все слова, использованные в этом повествовании, неточны, субъективны и передают действительность лишь приблизительно и лишь для немногих. Как и любые слова.

Но сказать-то надо.

Гингивера дробила габбро, плевала кислотой, вспенивала лаву, источала ароматы псины и ванили, но всё равно ничего не успевала. В уютной гингилоге хоть и царил порядочный кавардак, но работы был ещё непочатый край. Раньше Гингивера двумя нижними левыми справлялась с таким объёмом необходимых разрушений и прочих повседневных дел, но совсем недавно у неё появился вылупленец, и привычный мир стал удручающе, жутко, неотвратимо структурироваться.

Вот даже сейчас это тщедушное с виду существо слишком беззаботно курлыкало. Гингивера отрастила себе пару дополнительных глаз на длинных телескопических стебельках, потянулась к отпрыску. И точно: Грюк достраивал из любовно расшвырянного щебня огромную ступенчатую пирамиду! Почти все камушки с пола подобрал. Кинулась к непослушному дитяте и одним махом верхней семихвостой конечности снесла безобразную конструкцию. Вылупленец побурел и свернулся шариком. Всплеснув жабрами, Гингивера вылущила несколько новых псевдорук, схватила бешено молчащее чадо и зафиксировала в абсолютно неподвижном состоянии. Держать его так, дожидаясь нормального, непрерывного детского вопля, пришлось достаточно долго. Спинные псевдоруки Гингиверы в это время сноровисто разбрасывали щебень красивыми кучками.

В самый разгар уборки явилась Вирорайя со своими чадами. Гингивера попыталась для приличия расчепушить прилизанные с утра вибриссы, но махнула псевдорукой. Подруга и не такой её видала.

– Как жизнь, Верунь? – радостно гаркнула гостья.

Воспитанные детишки, не дожидаясь указаний, с гиканьем помчались громить островки порядка, возведённые вылупленцем. Гингивера умилённо наблюдала, как Райкины отпрыски бегают по стенам, потолку и полу, роняют стоявшее и разносят лежавшее, бросают лёгкое и опрокидывают тяжёлое. «Неужели и мой таким когда-то будет?» – подумала она, нежно тыча малыша между пластинами панциря. Увидев гостей, Грюк полусъёжился и завёл противные куксливые завывания, настолько размеренные и мелодически организованные, что у счастливой мамыши заныли все суставы членистых ног.

– Потихоньку, – булькнула Гингивера, тысячей уловок пытаясь привести мелкого в адекватное состояние.

– А, это он арии исполняет, – уверенно заявила подруга. – У него остаточная память ещё не зарубцевалась. Дай сюда малыша.

Уже через минуту Грюк пищал, кричал и заливался, как и положено здоровому, активному малышу. Гингивера смогла, наконец, выдохнуть. Она всегда рада была визитам подруги, тем более что с появлением вылупленца жизнь стала до ужаса монотонной. А Райка, ко всему прочему, умела обращаться с молодыняком, и её детишки всегда приносили с собой приятные ералаш и шум. Только вот очень уж Вирорайя увлекалась одной мистической теорией.

– Как здорово, что вы зашли! Я так вымоталась, уже молчать готова.

– Ну а зачем ещё нужны подруги? Давай, я послежу за Грючиком, а ты пока делами займёшься. Могу с готовкой ещё помочь, только скажи, что и где.

– Спасибо, ты не представляешь...

Гингивера принялась за работу, одновременно стрекоча о своём чаде. Райка понимающе потряхивала вибриссами, не забывая перенаправлять мелких, когда те совсем заигрывались.

– Спит всю ночь, паразит такой. Не знаю, что с ним делать. Может, кому знающему показать?

Подруга заверила, что это обычное явление, скоро пройдёт. Мимоходом подсунула мелюзге пару молоточков, и те упоенно принялись крошить глиняные черепки, оставшиеся с ужина. Грюк посмотрел на старших и тоже заинтересовался. Тем временем его мама привела себя в должный вид: поцарапала чешуйки, обмазала грудь пеплом и грязью, растрепалась, как следует покаталась по полу. В таком виде и оплодотворителя встречать не стыдно.

– А недавно даю ему немного камешков, песка, битого стекла. Учила разбрасывать. Он чуть-чуть побросал, а потом сделал ямку и туда всё сгрёб. И сверху ещё присыпал! Ну ты представляешь? – Отдуваясь, молодая мамаша от души разлила по полу большущий чан залившей пахучей водицы. – Слизь у него уже как у взрослого, но морфировать пока не может. И знаешь, падать прямо-таки боится! Уж я его роняю-роняю... А то панцирь неправильно сформируется, как потом конечности отращивать?

– Да ладно, мои в таком возрасте тоже особо падать не хотели, и ничего. Лырра уже ложноножку выпучила на днях! – похвалилась Райка.

Детишкам наскучили глиняные крошки, они окунулись в яму с лавой и принялись рьяно плескаться, вереща всё громче. Оранжево-чёрные капли так и плюхались вокруг. Может, Грюк чему научится? Что ни говори, молодняк у Вирорайи воспитан просто идеально.

Гингивера занялась ежедневной перестановкой, сгоняя пыль в роскошные клоки и то и дело тараня мебелью стены. Трещины изящно ползли вверх. Завтра она с особым удовольствием будет их замазывать, а потом делать новые.

– Ест нормально, но ни разу даже не испачкался. Всё жду, когда он уже в ум войдёт, объясню ему, что маму надо всю забрызгать едой в знак того, что тебе понравилось, – продолжала хозяйка. – Начинает говорить на своем языке. Знаешь, такие странные и смешные звуки! Недавно выдал: «Арррр-кхи-теххх-тур».

– Хо, мои тоже чего только ни говорили! – поделилась Райка. – Помню, Квык как-то сказал: «Три-чшья-кофф-ка». Неделью, наверно, повторял. Это, безусловно, память о прошлой жизни.

Гингивера не дала подруге свернуть на любимую тему. Предложила ей немного дымящейся слизи вылулпенца. У Грюка она была уже тёмная, густая, духовитая, а целебные свойства растерять ещё не успела. Райка с удовольствием выпила. Грюк глодал обеденную плитку, Лырра закапывала попискивающего брата в песок.

– Я всё пытаюсь следовать твоему совету, что вылулпенцу не надо мешать, что надо дать ему самому развиваться, но это же просто щцвет-и-прокхлада... – пожаловалась Вера, замачивая гору одежды в нефти. От неё замечательные пятна и разводы. – Оставила его на пару минут, уж не помню, чем занялась. Смотрю, а Грюшка отполировал кусок пола от входа и до лавовой ямы. Так ровно, что смотреть больно. Ну ты представляешь? Шестнадцать псевдурок отрасли, и то еле справляюсь.

Остаток нефти Вера плеснула на лаву, и детишки восторженно заулюлюкали.

– Все свои дела делает в одном и том же месте. Я ему столько раз показывала, что надо по всей гингилоче разбрасывать и разливать: так и стены крепче, и запах приятный. Никак не приучу, хоть тресни.

Подруги вместе отжали постиранное белье и принялись за готовку. Сегодня на ужин плямы по-руольски.

– Не волнуйся, у всех детей поначалу есть эта страсть к порядку. Нужно просто проявить терпение и не заставлять. И показывать, показывать почаще.

– Да я показываю, и терплю, но иногда меня просто не хватает. На днях знаешь, что учудил? Размазываю я, значит, свои дела по стенам, а он рядом малюет. Пригляделась – хвост ты мой! Похоже на живое существо, только симметричное. Одна голова, два глаза, между ними

то ли рог, то ли не рог, пасть маленькая, на одну сторону чуть сдвинута, – Гингивера аж вся передёрнулась. – Само гладкое, бледное и косится так, будто насквозь видит. С какого боку ни подойдёшь, а оно всё на тебя косится. Я бы тебе показала, да твои ребята уже сажей закрасили, спасибо им. Я боялась, если честно, с горстью грязи к этому приблизиться, оно как живое было совсем.

– Хо, вот так малец! – будто бы похвалила подруга. – Квык, вон, тоже как-то раз отмочил, отвалитесь, мои отростки! Из первосортной ванариловой массы ужас слепил. Я спрятала, пока мой оплодотворитель не увидел. Соврала, что масса испортились, весь смрад выветрился. Так вот, Квык слепил типа твоего двуглазого на стене, только стоит скрюченное с чем-то круглым в псевдоруке. Будто сейчас запульнёт.

Вирорайя оторвалась на минуту от плямок по-руольски, которые лепила вдвое быстрее подруги, и заботливыми подзатыльниками направила уставших детей играть с острыми сталактитами. Это и хватальца развивает, да и на потолке посидеть иногда полезно.

– А ты мне не веришь, считаешь, что я глупости говорю, – пожурила Райка, отправляя первую пляму в бурлящую желчь. – Ведь все дети калякают и лепят почти одинаковых страшил. И никто их этому не учил. Все «исполняют арии», полируют, строят пирамиды и другие неестественные конструкции, гадят в одно и то же место, и к хаосу их приходится долго и болезненно приучать. Это память!

– Ой, ну Рая! – хозяйка раздражённо повела жабрами, принимаясь за новую партию плям. – Зачем изобретать несуществующий зеркальный мир, несуществующие перерождения! Это только всё усложняет. У детей инстинкты, отголоски дремучего животного прошлого. Ведь каждая мать делает треугольное гнездо, и она попросту не может по-другому. Для интереса, я пыталась, – по секрету сообщила Вера, – но это было выше моих сил. И меня тоже никто не учил. И яйцо я отложила идеально гладкое, идеально шарообразное. Просто наши предки выживали за счёт порядка, они-то и передали нам эту программу, которую теперь приходится ломать в раннем детстве. Когда-нибудь наши потомки унаследуют от нас программу хаоса, и возможно, она тоже станет атавизмом.

Гингивера выдохлась после длинной речи и множества выполненных задач. Прилегла, хлебнула слизи. Вирорайя доделала плямы, метнула их все в кипящее варево и под села к подружке полюбоваться маленькими шалунами. Один сталагмит они расшатали и пытались обрушить его прямо на любимый отхожий уголок Грюка. Тот был опасно близок к припадку молчания, но уставшая мамаша решила пока понаблюдать ещё немного.

– Сразу видно, что ты неверующая. Ведь я не на голых предположениях основываюсь. И у меня есть довольно много подруг-единомышленниц. Мы сохраняем детские каракули, лепные фигурки, запоминаем слова. Мы сравниваем всё это и делаем выводы, хотя ты знаешь, для нас такая работа противоестественна и ужасно сложна. Зато сами выводы просты. – Вирорайя сделала паузу, задумчиво перекачивая напиток между желудками. – Всё имеет противоположность, как сталактиты и сталагмиты. Следовательно, есть мир, полностью противоположный нашему. Все вылупленцы склонны к одинаково странному поведению, которое не объяснить тем, что в треугольном гнезде лежало круглое звукоизолированное яйцо, а далёкие предки любили порядок. Откуда берутся эти повторяющиеся мотивы рисунков? Сложные «арии», когда малец недоволен? Порывы к созиданию и страсть к неестественным фигурам? Ответ напрашивается сам собой. – Гостья триумфально растопырила жабры и вибриссы. – Детёныш просто слишком многое помнит о мире, из которого прибыл к нам. Потом мы вбиваем в него правила нашего мира, сотни «нельзя» и тысячи «можно», и память стирается, уходит в глубину. Но иногда она прорывается и у взрослых. Вот ты при мне сказала «щцвет-и-прокхлада». Что это значит?

– Ничего, просто ругательство, – отмахнулась Гингивера.

– Ругательство. А откуда оно взялось?

– Не знаю. Один ляпнул, все подхватили.

– Наи-ивная, – снисходительно протянула гостья. – Каждое слово несёт какой-нибудь смысл. В нашем мире «щцвет-и-прохлада» это ругательство, а в предыдущем мире оно, наверно, означает что-нибудь приятное.

– Не убедила. Но предположим, ты права. И что дальше?

– Дальше смерть в этом мире и новое вылупление в том. С осколками воспоминаний о здешнем существовании. Там тебя всю жизнь приучают к порядку, потом умираешь, попадаешь сюда, и тебя снова приходится переучивать. И так до бесконечности.

От такой картины мира у Веры заклёкало что-то внутри. Но долго раздумывать над всякой жутью не было времени: как и следовало ожидать, сталактит рухнул, Райкины детишки покатались счастливыми комочками, а Грюк неуклюже плюхнулся и завёл одну из своих «арий». В разгар веселья явился оплодотворитель. Шум, суета, толкотня. Устроились есть. О жизни после смерти больше не заговаривали, чинно верещали, оплевали хозяйку желчью по-руольски, так что Гингивера прямо рокотала от удовольствия.

Только вот Грюша был тихий, весь ужин выкладывал из плямок символы. Вирорайя тайком зарисовала их на чешуе и, счастливая, унесла с собой ещё одно доказательство своей теории. Вот оно, это сокровенное знание, эта неразгаданная тайна, эта крупица недостижимой истины, равно сочащейся темнотой и для уверовавших, и для бродящих в посветках:

«USD 57.38

EUR 60.74»

Звёздное интервью

Молодой упитанный бог вертел в руках дурацкий кадуцей, не зная, куда его пристроить, и втиходумку костерил руководство. Громко думать о начальстве в негативном ключе было опасно: так можно и свежеприобретённой должности лишиться.

«Ну это ж надо! Назвать программу „Новый вестник“! Креатор на креаторе, а нормальное название придумать не могут! Меня ж теперь всю жизнь с прежним вестником сравнивать будут! Это если кто-то вообще потрудится меня запомнить...»

К тому же, глубокий смысл неудобного, тяжёлого, изобилующего острыми выпуклостями кадуцея был для нового бога-вестника просто непостижим. Может, им полагается тюкать разошедшихся оппонентов? Так у нас же не ток-шоу, а культурное интервью...

От волнения обаятельный пухлячок обильно потел под сшитой на заказ лазурной тогой. Пальцы мелко дрожали и явно собирались в разгар беседы уронить фигурную дубинку ровнёхонько на ногу гостю.

«И какого фавна мне выдали эту дрянь?!» – с ноткой истерики подумал вестник.

– Это диктофон, балда, – устало пояснил согбенный бог-осветитель, крепя в высоких когтистых подставках шаровые молнии в двести свеч. – Думай потише, а то виски ломит. Эх, молодёжь...

Старик покачал безволосой головой. Собрал лишние молнии в кулак, шепнул «да будет тьма» и ушёл, пошаркивая разношенными сандалиями. Курчавый бог остался наедине с самим собой, растерянный и пристыжённый. Вот же они, кнопочки записи, остановки и перемотки вперёд и назад, спрятаны в глазах переплётшихся змей. Удобно, наверно. Профессионально сработанная аппаратура. И гость не будет смущаться: кадуцей как кадуцей.

Незадачливый новый вестник не успел в своих мысленных причитаниях дойти до «правильно мама говорила, надо было в повара идти», потому что в маленькую уютную студию ввалилась восходящая звезда искусства. Неловкий, низенький, тощий. Видя явную робость молодого креатора, новый вестник приосанился, приободрился и стиснул жезл-диктофон. Чтобы не выскользнул.

– Здравствуйте, о могучий и лучезарный! Добро пожаловать к нам в студию! Проходите, присаживайтесь. Освежиться?

– Здравствуйте, – пробормотал гость и чуть не опрокинул подставку с молнией.

– Очень рад, очень рад! – пропел вестник, поддерживая гостя под локоть. Самооценка повышалась с каждой секундой, проведённой в обществе этого неуклюжего рохли. «Уже люблю его!»

– Я, признаться, впервые даю интервью...

– Ничего страшного! – блеснул крупными ровными зубами курчавый. – Вам полезна практика, впереди их будет много, уж поверьте мне! Сегодня у нас просто разговор по душам. Потом я скомпоную самое интересное и представлю публике в лучшем виде. Ваша задача – рассказать о себе, только и всего. Нектара?

Юное дарование кивнуло и без намёка на изящество, обычно присущее богам, плюхнулось на облачную лежанку. «Только мебель, созданная из отборных облаков, может считаться по-настоящему мягкой», – мимоходом подумал вестник. Бог-маркетолог в офисе, смежном со студией, поймал его мысль, расправил и аккуратно положил в банку идей. Авось пригодится.

Креатор принял из рук пухлого собеседника резной кубок.

– Если позволите, начну с затасканных вопросов. Но вы ведь у нас, так сказать, «тёмный пегасик», публика о вас знает только то, что вы победили в конкурсе. Поэтому затасканные вопросы придется весьма кстати.

Нескладёха кивнул и вдруг закашлялся, поперхнувшись нектаром.

– Я, кхе-кхе-кхе, с вами тоже до этого дня не был, кхе, знаком. На интервью меня приглашал прежний вестник, кхе, ещё до официального открытия галереи, – рассеянно заметил творец.

Улыбка ведущего на мгновение померкла, но потом загорелась с новой силой, по яркости соперничая с шаровыми молниями. Молодой талант невольно сощурился.

– Ну что ж, новые знакомства – это всегда прекрасно! Итак, расскажите, как начинался ваш путь к креаторству.

Вестник незаметно нажал на блестящий зелёный глаз одной из змей, обнявших жезл.

– Можно сказать, что я пошёл по стопам отца.

Пухлый бог картинно выгнул бровь, наливая нектара и себе.

– Я полагал, ваш отец – бог-организатор. Это ведь он выступил с идеей конкурса «Лучший из миров»?

– Именно так. И хочу сразу сказать, что он только организовал конкурс и не имел никакого отношения к судейству, – поспешно вставил юный творец. – Но в молодости у отца было много хобби. И амбиций тоже. Он сам в определённый период мечтал стать креатором. Не получилось. Тогда отец переборол себя и сменил специализацию. В обществе такое своёвольное перекраивание судьбы считалось почти невозможным и чуть ли не преступным.

Восходящая звезда водила пальцем по облачной лежанке. Вестник чуть сморщил нос: «Придётся ещё эти загогулины потом затирать».

– Работы у начинающего организатора всегда невпроворот, – продолжал гость. – Когда я был маленьким, у отца на меня времени не хватало. Я лазил в сарай, где папа хранил всё, что осталось от увлечения креаторством.

Создатель «Лучшего из миров» поёрзал, будто уселся на горох. Потом наконец нашёл равновесие в душе и на лежанке.

– Обычно боги появляются на свет, уже зная свою специализацию. Но отец, создавая меня, не задумывал конкретной профессии. Поэтому я сам искал свой путь. Когда папа увидел, что я мастерю простенькие мирки, то сначала пришёл в ярость. Видимо, вспомнил своё фиаско, – рассказывал креатор. – В юности он сотворил сувенирный мир-матрёшку: на внешнем слое – божки, на внутреннем – человечки. Какой-то ловкач купил у него идею за бесценок. Сам неплохо нажился, а отец остался ни с чем.

– Да, помню-помню, был у меня такой мирок, – заметил журналист, услужливо подливая гостю нектара. – Несомненно, это интересная история, которую стоит услышать во всех подробностях. Я, пожалуй, приглашу как-нибудь в студию вашего родителя. Но вернёмся к вашему собственному творческому пути.

Юному дарованию всё меньше и меньше нравилось давать интервью.

– Сначала отец пытался устроить меня в разные секции, чтобы я забыл прежнее увлечение. Пятиборье, риторика, логические игры, даже стихосложение – я прогуливал и прятался в заветном сарае. Творил. Потом отец переменял мнение. Его любимое присловье: «если не можешь предотвратить бунт – возглавь его». Нанял мне репетитора, известного в то время креатора. Я возненавидел занятия и все миры скопом.

Растяпа взял кубок, начал вертеть в руках. Вестник опасливо следил за его движениями.

– Потом, видя, что все усилия напрасны, отец махнул на меня рукой. Тогда-то я и вздохнул спокойно. Уроки репетитора, как ни странно, вспомнились и пригодились. Я начал создавать первые серьёзные работы.

– Думаю, вашим поклонникам будет интересно, откуда взялась идея «Лучшего из миров».

– Как и все удачные идеи, – смущённо улыбнулся мастер, – явилась без спросу, хлопнула по плечу и говорит: «А давай во чего!» И понеслось...

Упитанный бог вежливо хихикнул.

– Возможно, вы в курсе, что один из конкурсантов выполнил два мира-отражения, связанные между собой бесконечным циклом смертей и возрождений обитателей. Так вот, один из этих двух миров очень напоминает вашу работу на определённом этапе её исторического развития. Прокомментируйте, пожалуйста.

Уже открыв рот для ответа, гость студии всё-таки опрокинул кубок и забрызгал остатками нектара лазурную тогу собеседника. Последовала неловкая пауза, полная извинений и расшаркиваний. Чернокудрый пухлячок истово скалился и старался не воображать, как уронит тяжёлый кадучей на ногу раззяве. Если этот недотёпа услышит гневную мысль, вообще откажется интервью давать.

Наконец, можно было вернуться к разговору.

– Я не верю, что был плагиат. Я никому не показываю свою работу до завершения. И о задумках своих не распространяюсь. Нашлось сходство? Идеи витают в воздухе, любой может брать и пользоваться. Но даже если и есть в произведении другого конкурсанта доля повторения, это не так важно, потому что у него свои акценты, у меня свои, – рассуждал креатор. – Наши работы могут быть в чём-то сходны, но в главном они отличаются, и каждая прекрасна абсолютно по-своему. В конце концов, вы же не будете упрекать поэта, что он восхищается розой, как сотни поэтов до него, да ещё и смеет использовать слова, которые мы все произносим каждый день?

– Верно, верно, – поддакнул вестник. – Рад, что у вас философский взгляд на этот вопрос. А скажите, как вы узнали о конкурсе?

Неказистый бог замялся, покраснел.

– Вообще-то, не то чтобы узнал. Ко мне в мастерскую пришёл отец. Увидел готовую работу. И почему-то решил, что я должен выставить её на конкурс. Когда я возразил, что не очень-то хочу, да и конкурсов никто не проводит, он промолчал и вышел. И очень скоро выяснилось, что приём работ идёт вовсю, и моя тоже участвует.

«Вот папенькин сынок!» Непрошенная мысль выпорхнула в направлении гостя. Вестник сначала попытался вернуть её, потом решил быстренько отвлечь собеседника.

– А вот вопрос, который, несомненно, заинтересует ваших поклонниц! Что вы цените в молодых богинях?

Гость начал мямлить что-то невразумительное, запинаясь и краснея. «Фух, пронесло, – подумал журналист как можно тише. – Ну что ты бормочешь, будто манной небесной рот набил? Или отец тебя так застрашал, что ты девушек боишься? А может, это они тебя сторонятся? Так ты ж креатор, создай себе нимфу и практикуйся на здоровье». Сам-то вестник от недостатка внимания противоположного пола не страдал. Брал обаянием и шуточками. Даже жаль немного стало этого некрасивого, неуклюжего хилыка.

Они ещё много говорили. Об искусстве вообще и креаторстве в частности, о «Лучшем из миров» и о том, «что хотел сказать автор», о конкурсах и возможностях для молодых талантов, о секретах мастерства и о том, где искать идеи и вдохновение. О личном и общественном, бытовом и возвышенном, ученическом и профессиональном, грустном и смешном.

– И последнее на сегодня, – проговорил слегка охрипший вестник. – Каковы ваши планы? Выставки, частные заказы? Автограф-сессии, мастер-классы? Новые шедевры или продолжительный отдых?

– Пока что конкретных планов нет, – признался создатель «Лучшего из миров». – Вроде бы, намечается новый конкурс, «Смертность не порок». Отец хочет, чтобы я представил работу вне конкурса. А помимо этого – не знаю. Буду творить тихонько для себя, как и прежде. Так получаются самые удачные произведения.

Они мило попрощались. «Можно сказать, он мне даже понравился, – подумал вестник, отключая верный кадучей. – Этаким растерянный подросток не от мира сего. – Толстячок задумчиво погладил морду змеи. – Главное, материал хороший. С этим я ещё заявлю о себе».

Помял в руках край безнадёжно испорченной тоги. Допил нектар.

«Надо придумать себе псевдоним. Ну-ка... Карри Линг! Каково? Свежо, хлёстко, экзотично! Зачем быть безымянным новым вестником, если можно быть Карри Лингом?»

Мурлыча под нос фривольную песенку, свежепоименованный Карри Линг принялся редактировать звёздное интервью. Замотанный бог-дизайнер в смежном офисе поймал его мысль, вздохнул и стал набрасывать варианты логотипа для авторской программы.

Экскурсия

Румяная фигуристая богиня с кудрями отменной густоты прогуливалась по площади перед облачной галереей. На шее у неё висели тоненькие скрижали, но на них не был выбит остроумный статус, показывающий глубину мысли и широту натуры. На скрижалях было написано: «Экскурсии в „Лучший из миров“». Молодая красавица заметно скучала. Пинала мелкие камушки, то и дело гладила мочку уха. В русых волосах нет-нет, а проскакивал ярко-рыжий высверк.

К экскурсоводу приблизилась дородная богиня-мать, обвешанная капризной мелюзгой.

– У вас есть экскурсии для детей? – устало спросила она, надеясь сбавить хотя бы старших, хотя бы ненадолго. Девчонка с крылышками за спиной безостановочно что-то канючила и дёргала за мамину тунику.

– Прошу прощения, – вежливо ответила фигуристая богиня, отстраняясь от мальчишки, который воинственно размахивал миниатюрным пегасом, – наша программа достаточно продолжительная, на маленьких туристов не рассчитана.

Богиня-мать тяжело вздохнула и увела свой выводок. Мини-пегас всем своим существом молил о помощи, но экскурсовод его проигнорировала. Чужие проблемы её мало интересовали.

Следующим подошёл начинающий бог пикапа, прилизанный и смазливый.

– Скажи, о дивная и сиятельная, – промурлыкал он почти на ушко, – можно ли организовать индивидуальную экскурсию?

Он облапал ладную богиню взглядом. А та, ничуть не смутившись, взглядом же вlepила наглецу мощную пощёчину. Бог пикапа пошатнулся, но устоял. И пыл умерил. Глаза его теперь светились деликатностью, учтивостью и неутолимой жадой культурного обогащения.

– Ну или не индивидуальную...

– У нас группы до шести богов, – холодно проинформировала его сиятельная. – Стоимость – тридцать четыре облачные единицы. Продолжительность – пять часов. В брошюре можете ознакомиться с программой. В стоимость включён обед. Если желаете, можете записаться. Сейчас уже отправляемся.

Бог пикапа расплатился и прибил к другим ожидающим: пожилой чете, парочке мажористых студентов и необщительному желтокожему богу, вертящему в руках странное приспособление.

– Что это? – поинтересовался новый ценитель прекрасного.

– Цифровой фотоаппарат. Для маскировки. Гид раздаёт. За плату можно оставить себе после экскурсии.

Подобные штучки бог пикапа видел на нашумевшей финальной распродаже, но внимания не обратил. Он искал себе сенсорный телефон, но впустую: мобильники молодёжь в первый же день распродажи смела подчистую.

– И что эта коробочка делает?

Желтокожий молча выставил коробочку перед собой. Щёлкнул, блеснул огоньком, протянул устройство собеседнику. Тот с восхищением воззрился на своё собственное лицо, застывшее на небольшой глянцевой пластинке. В голове пронеслось сразу несколько идей, как применить эту хитрую придумку в деле охмурения дам. Надо будет приобрести, и тогда молодые богини повалят к нему табунами!

Экскурсовод подошла, естественно и соблазнительно качая бедрами. Выдала прилизанному реквизит и объявила отправление. Сняла скрижали с шеи, оставила при входе в галерею. Вместо них достала раскладную палочку, к концу которой был привязан яркий платок.

– Это, как и выданные вам устройства, своего рода амулет нормальности. Пока жители «Лучшего из миров» видят в ваших руках фотоаппараты, а у меня вот этот флажок, мы – обычная туристическая группа, и никого не удивит ни наш внешний вид, ни наша речь, ни наше поведение.

– А какая нам разница, что подумают тамошние жители?

Это очнулся один из студентиков, прервав на мгновение возню с сенсорным телефоном. Бог пикапа в который раз пожалел, что не успел ухватить себе такой. Как нарочно, оказался вне зоны мыслей нового вестника, который первым прознал о распродаже. Внутренние монологи этого пухляка слышны почти по всему обитаемому миру, если немного напрячь внимание. Так что прохлопать такую возможность – это надо было ухитриться.

– Потому что мы попадём внутрь произведения искусства и, как восторженные ценители, должны всячески оберегать хрупкую систему взаимодействий, созданную автором. Пройдёмте.

Потрясая крупными формами и мелкими кудряшками, гид целеустремлённо прошествовала в галерею. Возле невзрачного на первый взгляд экспоната рассчиталась с приёмником за вход всей группы и проследила, как экскурсанты один за другим перетекли в «Лучший из миров». Потом отправилась сама.

– Итак, начнём по утреннему холодку.

Под ногами группы примялась росистая трава. Промозглый ветер силился доставить богам хоть небольшое неудобство.

– Данное произведение можно изучать до бесконечности, – начала гид звучным голосом. – Это в полной мере продуманный и тщательно детализированный мир. Следовательно, как бы нам ни хотелось объять необъятное, но мы не сможем увидеть всю широту замысла автора за одно посещение. Сегодня у нас лишь обзорная экскурсия. Для желающих продолжить знакомство с шедевром есть туры на любой вкус: «От микроба до кита», «Такие страны», «Смерть как искусство и искусство как квази-бессмертие», «Изобретения человечества, или как выжить, если ты не бог», «Убийство, насилие, спорт и другие развлечения людей» и так далее.

Студентики уже принялись шептаться и хихикать, пожилая пара с блаженными улыбками трогала цветочки и гладила камни, желтокожий молчун рассматривал шедевр исключительно через экранчик своего фотоаппарата, а бог пикапа мысленно включил музыку, зажёл свечи и любовался медленным танцем роскошной богини-экскурсовода.

– Начнём мы в эпоху взлёта человеческого общества, в одной из развивающихся стран, в небольшом типичном городке. Вам откроется множество отражений нашей действительности, множество искажённых аллюзий, философских концепций, воплощённых в конкретных явлениях. Перед вами предстанет огромное разнообразие смелых решений, фантастических придумок, гротескных персонажей и ситуаций. Всё это призвано показать, насколько совершенны мы, боги, и насколько прекрасен наш собственный мир. Мы так легкомысленно относимся к своим почти безграничным возможностям! Мы разучились ценить всё то, чем наделены с рождения.

Экскурсовод помолчала, потрогала мочку уха, на миг задумавшись. Бог пикапа пожалел, что абсолютно не умеет влиять на метеоявления. К этому у него никогда не было склонности, да и учиться управлению погодой слишком долго. А как было бы кстати: проказливый бриз, то и дело приподнимающий край туники... Бризу пощёчину не залепят.

– И начнём мы с дара, отсутствие которого у людей «Лучшего из миров» сильнее всего бросается в глаза. Вы находитесь на кладбище, друзья мои. У кого-нибудь есть догадки, что это за место?

– Это такой склад? – неуверенно предположил художественно всклокоченный мажор. – Тут и скрижали какие-то с символами и лицами. Наверное, написано, чья ячейка, что там лежит.

Гид улыбнулась с тёплым снисхождением. Так улыбаются смущённому ребёнку, щадя его иллюзии.

– Не совсем. Здесь, под землёй, лежат люди. Сюда их помещают после смерти.

– Станный вид досуга, – не понял бодрый старикан с пронзительно-зелёными глазами. – Поясните, пожалуйста, про смерть (смертю?).

Экскурсенты притихли. Видно, подобный вопрос вертелся на языке у каждого, но никому не хотелось показать своё невежество.

– Охотно. Мы, боги, существуем вечно, и принимаем это как должное. Но у несчастных обитателей этого мира количество отведённых им рассветов и закатов жёстко ограничено. При этом никто из них не знает, от чего и когда прекратит своё существование, будет ли это болезненно и будет ли что-то потом. Многие склонны верить в лучший мир, в существ, подобных нам, богам, которые по доброте душевной готовы приютить тех людей, что хорошо себя вели.

– Ещё чего, кому нужны нахлебники? Даже если они себя очень хорошо вели, – буркнул желтокожий бог и сфотографировал паутину в радужных каплях.

– Мифы о загробной жизни – это отдельный и долгий разговор. Мы коснёмся темы смерти только вскользь и немного с другого ракурса. Итак, креатор задумал этот мир следующим образом: человек, грубо говоря, состоит из двух частей, а именно видимой/ощутимой и невидимой/неощутимой, – начала лекцию экскурсовод. Статный мажор в позолоченных сандалиях до колена по привычке стал конспектировать. – Ощутимая часть живёт недолго и после смерти выглядит и пахнет неприятно. Поэтому с давних пор у людей принято избавляться от переставшей функционировать оболочки, как от любого мусора: сжигать, закапывать, отправлять по реке. Есть ещё другие способы, но не такие распространённые. Чтобы утилизация трупа не выглядела цинично, принято проводить красивые обряды прощания, говорить и думать о почившем самое лучшее, вкусно кушать за его упокоение, плакать о том, как будет плохо без него. Заметьте, все эти действия нужны только живым. Мёртвая оболочка отлично разложится без каких-либо ритуалов.

Пожилая богиня с короткой стрижкой поддёрнула тунику, опустила перед узорчатым надгробием, пощупала искусственные цветы. Потом прижалась лбом к земле, чтобы посмотреть насквозь.

– Вы правы, видок у оболочки тот ещё. Ой, червячки! Гладенькие, – умилённо сказала туристка. – А вот колечко у этой дамы симпатичное.

– Можете взять как сувенир. Некоторые люди в этом мире так делают, – разрешила гид и продолжила: – Неизбежность конца и страх неизвестности заставляют человечков совершать разнообразные, часто странные поступки. Рисковать жизнью или трястись над ней, развратничать или во всём себя ограничивать, творить прекрасное или издеваться над ближними. Вот мы и нашли основную причину гармонии нашего мира и несовершенства этого. Кстати, вдумайтесь, какая горькая ирония в титуле «Лучший из миров».

Пожилая богиня отряхивала руки, победно улыбаясь. Она достала из могилы крупное кольцо с блестящими камнями, отбросила белую фалангу в траву и отёрла свою добычу о подол. Теперь бог пикапа сокрушался, что у него нет способности видеть насквозь. Тогда держитесь, девочки, у вас не будет от меня секретов! Эх...

– Прошу за мной, – пригласила экскурсовод.

Группа проследовала по тропке вдоль надгробий. Пожилая любовалась обновкой, необщительный беспрестанно щёлкал вспышкой, прилизанный прокручивал очередную эротическую фантазию, мажористые обсуждали новомодное приложение.

Вскоре группа оказалась под изогнутым грязно-коричневым навесом, возле которого толклись невыспавшиеся людишки. Молчун немедленно сделал серию снимков этой живописной многофигурной композиции.

– Друзья мои, мы находимся на автобусной остановке. Кто хочет угадать, зачем мы здесь?

Желающих не нашлось.

– Ну что же вы, надо быть смелее. Ещё одна проблема жителей этого мира: они не умеют перемещаться мгновенно и без усилий. Я специально вела вас сюда пешком, а сейчас хочу продемонстрировать автобус в утренний час пик.

К остановке подкатило неуклюжее, пылящее и гроыхающее чудовище. Экскурсанты набились туда наравне с людьми и теперь вдыхали незабываемые ароматы, слушали искусственную ругань, всем телом ощущали рельефность окружающих пассажиров. Ловелас, хоть и глаз не спускал с румяной богини-гида, всё равно не мог понять, откуда в её ловких пальцах оказался кошелек. Красавица расплатилась за всех и продолжила вещать:

– Итак, не имея способности мгновенно перемещаться, люди вынуждены создавать различные неуклюжие приспособления. Встав с постели, когда спалось особенно сладко, они лезут в автобус, хотя толкаться в нём им противно, чтобы попасть на работу, которая бесконечно обрыдла. Все прелести транспорта вы уже испытываете на себе, а я пока что коснусь ещё двух важных вопросов.

Бог пикапа уже обозрел и оценил фигуры всех лиц женского пола, втиснувшихся в автобус. Теперь у него появилась свободная минутка, чтобы заметить: почти у всех пассажиров были вожделенные сенсорные телефоны. Надо будет попозже задать вопрос гиду.

– Зачем работать, если не хочешь? – звучно проговорила кудрявая богиня. – Ответ прост: человек, в отличие от нас с вами, не умеет сам производить общепринятую обменную единицу. Следовательно, чтобы покупать пищу, одежду, сотни нужных товаров (и тысячи вещей, без которых легко можно было бы обойтись, если бы не самолюбие), надо откуда-то брать средства. Поэтому требуется работа. Самая приятная часть дня у взрослого трудоспособного человека уходит на работу. Часто работа либо не обеспечивает нужного дохода, либо не приносит удовлетворения, либо вызывает некий дискомфорт, либо и то, и другое, и третье.

Зеленоглазый пожилой бог высвободил ногу, оттопанную унылым засаленным мужчиной, и спросил:

– Но ведь они и так мало живут. Почему бы не найти работу, которая нравится?

Гид улыбнулась.

– Во-первых, не всякая работа, которая нравится, приносит средства, которые хочется. А во-вторых, многие даже не знают, чего им хочется. Не знают своих способностей. С самого рождения стартовые условия у людей очень и очень неравны. Кто-то здоров, кто-то умен, кто-то богат, кто-то талантлив. А кто-то наоборот. Порой отец и мать готовы заниматься ребёнком и развивать его способности, а порой им совершенно нет до него дела. А иногда родитель говорит: «Мой сын станет депутатом, потому что я когда-то мечтал, но не получилось». Ну и всё.

– Кто такой депутат? – вклинился студент.

– Это такая специализация из сферы развлечений, – ответила кудрявая богиня, отстраняясь от чьего-то угловатого пакета, истыкавшего её бедро. – Таким образом, вот ещё два отличия от нашего мира: необходимость работать для получения средств к существованию и – для большинства – неудовлетворённость от способа получения этих средств. Теперь предлагаю как можно полнее, в молчании прочувствовать безысходность человеческого бытия. Нам ещё три остановки ехать.

Следующей достопримечательностью была больница.

– Мало того, что люди живут в постоянном страхе смерти. Они, к тому же, настолько хрупки, что их очень легко к смерти приблизить, притом тысячами различных способов. Название «больница» происходит от слова «боль». Богам это чувство незнакомо, поэтому сейчас каждый экскурсант выберет наиболее плохо выглядящего пациента (чем больше в нём лишних отверстий и чем больше вокруг него странных устройств, тем лучше) и полчаса побудет в его шкуре. Это позволит вам острее ощутить подспудное послание креатора: «Мир богов

прекрасен, мы совершенны, и нужно любить и ценить то, чем мы так щедро наделены». Через полчаса встречаемся возле регистратуры. Просьба не опаздывать: у нас по расписанию обед.

Бог пикапа сначала не стал заморачиваться доходягами, а примерил на себя тело симпатичной женщины-врача. Уединился, немного пошалил, поэкспериментировал. Потом с лёгким сожалением оставил даму в покое и решил пять минуток всё-таки посвятить боли. Интересно же. Выбрал хрипящего и сипящего старика, обвешанного прозрачными трубками. Заглянул внутрь и тут же вылетел с дикими глазами. Отряхнулся, выпрямился, спустился к регистратуре. Там толклась группа, не менее растерянная и будто пришибленная.

– Как вам боль? – нарочито беззаботно спросил ловелас.

Молчун с фотоаппаратом неоднозначно покрутил кистью, мол, так себе. Мажоры повели плечами, словно озябнув. Пожилая богиня расквохталась:

– Это возмутительно! Я буду жаловаться на жестокое обращение с человечками! Такому миру преступно было даровать бытие!

Экскурсовод понимающе покивала:

– Очень интенсивные впечатления, правда? Шедевр – он потому и шедевр: не только заставляет задуматься о жизни, но и вызывает сострадание, проводит зрителя через катарсис. Однако не стоит относиться к местным персонажам как к настоящим личностям. Вы же не бросаетесь спасать выдуманного героя, поплакав над трогательной главой романа? Идёмте, отдаем чего-нибудь из местной кухни.

В кафе быстрого питания мажоры жевали через силу.

– И как они это едят? – недоумевал тот, что в золотистых сандалиях до колена.

– С удовольствием, – отозвалась экскурсовод, уплетая картонный бургер за обе щеки. – Не забывайте: они не пробовали амброзии и нектара. А эта штука только сначала неедабельна, потом привыкаешь. Кстати, фастфудом, курением, пьянством, обновками и вообще почти чем угодно люди пытаются компенсировать многочисленные психологические травмы, полученные в детстве и юности. Но это тема для отдельной диссертации. Знаю пару богов-психологов, которые уже нашли здесь материал для научной работы.

Желтокожий миглом слопал свою порцию и заказал ещё. Пожилая богиня не притронулась к пище. Она только слегка покачивалась на высоком табурете, гладила блистающее камнями кольцо и шептала: «Бедные мои, бедные». Муж поглядывал на неё с беспокойством.

После обеда группа погуляла по парку, полюбовалась ненасытными голубями, чахлыми липами, спящими на скамейках бродягами, пышными мамашами и слюнявыми чадами.

– Как они отваживаются заводить детей? – вопрошала пожилая богиня.

– Да, этот мир суров и беспощаден. В нём бывает больно, страшно, мерзко, – согласилась гид. – Но забудьте на миг о трагичности и несправедливости, взгляните в эти лица. Это существа, знающие, что такое счастье, и умеющие ценить то небольшое, что им дано. Полезный урок для нас.

Зеленоглазый старикан приобнял супругу и улыбнулся пробежавшему мимо малышу. Жена его, ничуть не убеждённая, неотрывно смотрела на бомжа посреди вонючей лужи. Бомж бормотал во сне, трепетно прижимая к груди бутылку.

После парка посетили типичную квартиру. Экскурсовод ловко отперла дверь тоненькой провололочкой, сказала, что здесь так делают сплошь и рядом. Группа поизумлялась, как можно жить в такой тесной коробочке. Поизучала бытовые приборы. Каждый (кроме стриженной дамы) взял себе по сувенирчику. Бог пикапа нашёл долгожданный телефон.

– Значит, в наш мир телефоны попали отсюда? – спросил он, влюблённо рассматривая сокровище.

– Вы про финальную распродажу? На распродаже они оказались по воле Хаоса Изначального. А Хаос Изначальный, похоже, питает нежные чувства к этому шедевру, видит в нём

многое от себя. Вот и выплёвывает то фотоаппараты, то телефоны. Как бы предлагает нам приобщиться.

После квартиры (молчун утащил с собой огромный двухколёсный механизм, совершенно не представляя себе его назначение) отправились в торговый центр.

– На данном этапе торговые центры представляют собой основное развлечение человечков. Здесь они спускают средства на ненужные вещи, тратят время в бездумных занятиях и делают всё, чтобы забыть о неизбежном конце. Вот, кстати, магазин различных устройств для игнорирования и унижения ближних. – Гид указала на павильон, где были выставлены блестящие штуковины и играла радостная музыка. – С некоторыми вы уже знакомы. Вот эти шнурочки с мягкими бусинками на конце – чтобы никого не слышать. Вот телефоны, планшеты, компьютеры, телевизоры – это чтобы никого не видеть. Вот там – вещицы подороже, «покруче», «не для лохов», – это чтобы вызывать зависть и чувство неполноценности у окружающих.

Заинтересованные мажорики отдрейфовали в указанную секцию.

– Как видите, и здесь очень хорошо прописана тема бренности и суетности существования. Предлагаю зайти в отдел телевизоров. Немного посмотрим местные передачи. Враньё во всех формах – это излюбленный спорт человечков.

Группа вдоволь насладились предвыборной агитацией и магазином на диване, региональными новостями и отрывком мыльной оперы. Студентки вернулись с довольными лицами. Оба прятали что-то за пазухой.

– Если не хотите привлекать к себе лишнего внимания, переместитесь с этими устройствами прямо к выходу из центра, – посоветовала кудрявая красавица. – Через пару минут мы тоже спустимся.

Молодые боги так и сделали. Когда группа воссоединилась, экскурсовод покачала головой:

– У нас совсем не осталось времени. Значит, в музей не пойдём. Ну ничего, на кладбище мы уже были.

Она задумалась, погладила мочку уха. Блеснула рыжина в кудрях.

– Ну что ж, давайте тогда отпущу вас в свободное плавание. Для тех, кому понравилась тема бессмысленных страданий, – милости прошу пройти на почту (это вон то низенькое здание) и попробовать встать к окошку вне очереди. Если предпочитаете побольше узнать о местных развлечениях, за углом есть подпольное казино, а рядом приторговывают наркотиками. Но чтобы ощутить их эффект, нужно в кого-нибудь вселиться. Подходящий вам субъект будет выглядеть как самый безнадежный пациент больницы.

Молчун оценивающе посмотрел на бледного, панически озирающегося молодчика в тёплой куртке, несмотря на солнечный летний денёк.

– Если интересуетесь, что думают люди о высших существах, вроде нас, о чём самонадеянно просят, то пройдите до конца улицы, там будет храм. Акустика внутри замечательная, все мысли идеально слышны, особенно под центральным куполом. В общем, возможностей множество, на любой вкус, но лично я советую для начала вселиться в кого-нибудь. Рекомендую выбирать тех, у кого на лице смятение. Обычно от таких персонажей впечатления самые яркие.

Группа поблагодарила за экскурсию, расплатилась за фотоаппараты и разошлась по интересам. Желтокожий решил попробовать наркомана, мажорики удалились к игровым автоматам. Прилизанный, поняв, что с гидом ему ничего не светит, увязался за проплывавшей мимо грациозной смуглянкой. Пожилая богиня утатила расстроенного мужа в родной мир, чтобы начать кампанию по защите прав человечков.

Экскурсовод проводила взглядом уходящих ценителей прекрасного. Облегчённо вздохнула, сняла натёршие сандалии и босиком прошла по газону до ларька с мороженым. Купила вафельный рожок с шоколадом, спустилась к небольшому пруду, села у воды. Развернула

упаковку пышная кудрявая красавица, а откусил мороженое уже бледный рыжий парень. Подставив лицо мягким лучам, он решил: что-то в этом мире есть. Но на экскурсиях далеко не уедешь. Хоть и весело, конечно.

На противоположном берегу была детская площадка. Мальчонка в джинсовом комбинезоне старательно насыпал в формочку песок, приминал лопаткой, переворачивал и раз за разом штамповал одинаково страшненьких медвежат.

Рыжий бог-трикстер неторопливо доел рожок, наблюдая за маленьким тружеником. Потом стряхнул крошки с колен, вытер губы рукой. Хитро-хитро улыбнулся. У него только что родилась отличная бизнес-идея.

Надо только научиться копировать.

Новостишки и новости

В нектарной были привычные шум и многобожие. Компания деконтаминаторов отмечала очередную успешно оконченную смену, студентики скромно дебоширили, несколько знатоков оживлённо спорило о букетах, послевкусиях и прочей дребедени. В углу, повернувшись спиной к присутствующим, сидел пухлый, чернокудрый, в любой другой день очень обаятельный и улыбочивый бог.

Но не сегодня. Сегодня он не хотел ни с кем встречаться взглядом, бражничать и шутить. Вот уже довольно долго он нависал над огромной непочатой кружкой пенного нектара и таращился в пустоту перед собой, вообще ни о чём не думая. А это делало его совершенно незаметным для окружающих.

И почему же так взгрустнулось стремительно набирающему популярность Карри Лингу? Почему любимец богинь и по совместительству новый вестник вконец раскис? Почему не поигрывает примелькавшимся уже кадуцеем и не стреляет озорными карими глазами?

Очень просто: кризис жанра. Появившись на пороге нектарной, Карри Линг размышлял очень громко и общедоступно – и заметно мешал другим веселиться. Размышлял о том, что для вестника здесь совершенно нет работы. Ну снял несколько блестящих интервью. Ну побывал на амброзийно-нектарном заводе. Ну сделал научно-популярную передачу о том, как именно сильные эмоции преобразуются в облачные единицы, а облачные единицы – в стройматериалы, ткани, краски и прочие нужные вещи. И что, что, спрашивается, теперь?

Как быть вестником в мире, где ничего не происходит? Ничего глобального (естественно, в плоском-то мире), ничего остросоциального, ничего динамичного и будоражащего. Максимум, подерётся кто-нибудь – не всерьёз. Тут же помирятся за кружкой. И освещать такую потасовку – что бабские сплетни разносить (при всём уважении к присутствующим дамам). Это новостишки, а не новости.

В таком духе вестник мыслил на протяжении пары-тройки нешуточных порций нектара. Затем погрузился в апатию, что позволило задору и жизнелюбию вновь воцариться вокруг. За соседним столиком устроились уже тёпленькие боги, не слишком опрятные, зато очень разговорчивые.

– А помнишь этого, как его, бога безрассудного авантюризма? Ну того, губошлёпого? Губы вареником у него, помнишь? – спрашивал один, с венком из бело-зелёного плюща на голове и с масляными глазками.

Взъерошенный одутловатый бог с крупным сизым носом долго-долго, отчётливо-отчётливо мотал головой. А первый, в венке, продолжал настаивать, сыпля новыми подробностями:

– Ну высокий такой. Да ты его знаешь! Жирком зарос, а так могутный паря. Глаза у него рыбы такие ещё. Белокрысы. Вспомнил, ну?

Одутловатый упорно мотал головой, да так, что нектар из кружки плескал на стол. Подключился третий товарищ, слишком бойкий, несмотря на количество выпитого:

– Да ты помнишь! Мы ещё его брата, бога лени, всё на рыбалку пытались вытащить, а он не шёл. И на шашлык не шёл. И на симпозиум, хотя собирался.

Сизоносый отчаялся уложить в картину своего расцвеченного нектаром мира ещё и какого-то брата. На всякий случай кивнул, хлебнул, рыгнул и снова отчаянно замотал головой.

– Да забей, – устал объяснять украшенный плющом. – В общем, губошлёпый пропал.

– Как пропал? – удивился бойкий.

– Так же, как и прежний вестник, – слегка размазывая слова, отвечал собеседник.

– А, губы-в-вареники! Конечно, п-помню! – очнулся, наконец, одутловатый. – Как п-пропал, ик?

– Так же, как и прежний вестник, – подсказал бойкий бог.

Чувствуя, что разговор пошёл по кругу, тот, что с венком и с масляными глазками, решил внести ясность:

– Совсем пропал! Никто его не видел!

– Даже б-брат, ик? Который с нами на симпозиум не п-пошёл? – изумился сизоносый.

– Я говорю – никто, – раздражился рассказчик. – И что ты к брату прицепился?

– Как что? Его б-близнец п-пропал, а он и н-не чешется! – Помотал головой, на этот раз выражая неодобрение. – Да и обидно, ик: т-так его звали и на рыбалку, и на ш-шашлык. Гнилой этот б-бог лени, вот что я в-вам скажу.

Бойкий успел принести новый круг напитков, потому что терпеть не мог ждать, пока обслужат. Даже стол сам протёр.

– Так что там с вареником? – уточнил он, опасаясь, что пропустил что-то важное.

– П-пропал, так же, как и п-прежний вестник, ик, – любезно ответил сизоносый. Сделал исполинский глоток нектара и мягко положил голову на стол, едва оставив место для кружек товарищей и маленькой корзиночки с сухариками. Задремал с улыбкой на глянцево-матовом лице. Взявшийся ниоткуда бог-официант споро уложил его в облачный кокон и отправил спать.

Теперь разговор пошёл куда живее. Карри Линг за соседним столиком все свои силы направлял на то, чтобы не думать, а только слушать.

– А при каких обстоятельствах пропал? – допытывался бойкий, теребя широченные брови.

– Никто не знает. Вечером был – наутро нет его. И знаешь, что самое интересное?

Венок съехал набок, и нетерпеливый бог заботливо поправил украшение собеседника.

«Что?» – вылетела у Карри Линга непокорная мысль. К счастью, вопрос бойкого бога прозвучал с ней одновременно, так что лишнего участника разговора не заметили.

– Что это ещё не всё. Пропала одна из богинь флоры. Страшненькая которая.

– Ну и ладно, всё равно страшненькая. И ныла постоянно. Что мало разнообразия в цветочках-лепесточках, что нет вдохновения для букетов, что хочет поэкспериментировать, создать хищные растения, а ей Совет по мироустройству запрещает.

Увенчанный плющом поперхнулся, откашлялся.

– Кхе! Так бог а-ван-тю-риз-ма тоже то и дело жаловался, что ему здесь скучно! И ещё несколько богов исчезло, из не слишком заметных, но вечно недовольных.

– Кто? – поинтересовался шустрый бровастый бог, всё больше наливаясь нектаром, говоря всё четче и отрывистее.

– Компашка старичков, которые постоянно бузили, гульбища и попойки устраивали, дом Совета по ми-ро-ус-трой-ству разнесли. И Совет их потом на исправительные работы отправил, на производство облачных единиц, так что полвечности они не видны, не слышны были.

– Помню-помню, как же! – сказал бровастый, снова поправляя украшение на челе товарища.

– Ещё один, качок такой. Точно не знаю, чем занимался, ЗОЖем, кажется. Но уверен, что, если покопаться, у него тоже были ше-ро-хо-ва-то-сти с Советом.

Произносить длинные слова становилось всё труднее. Бог с масляными глазами думал последовать примеру одутловатого друга и тоже прилечь. Вот тут, на полу должно быть довольно уютно.

Бровастый, не дожидаясь официанта, мухой метнулся к барной стойке, притащил пару довольно чистых облаков. Как любящий отец, мгновенно взбил облака, слепил из них кокон – анатомический гамак с высокими бортиками – и помог приятелю туда улечься. Залепил края, как у пельмешка, оставив проём для головы, и отправил кокон под высокий потолок нектарной, где уже покачивалось десятка два таких же отдыхающих, в том числе и сизоносый. Распла-

тился и, насвистывая, ушёл искать новых собеседников покрепче и новые сплетни позабористее.

Карри Линг сидел, сладостно обмирал, поглаживал краешек кружки, не позволяя крылатым мыслям разлетаться из головы во всеуслышание. Неужели в этом болоте всё-таки будут новости?

Энергично встал, бросил в приёмник на выходе горсть облачных единиц и, дыша полной грудью, направился навстречу большой журналистике.

Только для влюблённых

Прохаживаться по галереям было не в обычае бога-дельца, но следя за тенденциями рынка, он не мог пропустить открытия выставки. Среди всего этого высокого искусства прятались небывалые возможности для талантливого предпринимателя, надо было только их разглядеть. Как у всякого практичного существа, у бога-дельца была выработана непривольная зевота при виде высокоумного продукта, не сулящего никакой прибыли. А вот приближаясь к перспективной вещице, энергичный молодой бог ощущал непреодолимое желание потирать руки. Этот рефлекс был выработан эрами учёбы в Академии коммерции и управления.

Прогуливаясь быстрым уверенным шагом мимо жемчужин современного искусства, бросаая отрывистые взгляды то направо, то налево, то вверх, то вниз, ловкий воротила наконец ощутил заветное щекочущее чувство. Та-ак. Где? Ближе, ближе... Ага!

Потирая крупные руки, он подошёл к перламутровому шару. Мирок поблёскивал то загадочно, то маняще, то многообещающе-томительно. Возле экспоната витал то лёгкий запах сахарной ваты, то аромат асфальта после дождя, то намёк на только что потушенную свечу. Звуки тоже сменялись без определённой логики: тоненький звон музыки ветров, потом далёкий гул водопада, потом мелодия из детской шкатулки с танцующей фигуркой на крышке. Дельцу надоело вслушиваться и внюхиваться, он принялся читать аннотацию.

«Ля-ля, тополя... только для влюблённых... уникальная атмосфера... все грани романтики...» Понятно. Автор этого мира явно надеялся найти бизнес-партнёра. Он выбрал потребительскую аудиторию весьма удачно; теперь надо проверить, насколько удачным оказалось исполнение. Если так себе, попробуем купить у него идею и заказать мир для влюблённых у проверенного мастера.

Смотреть на экспонат снаружи можно было бесплатно, но чтобы попасть внутрь, предлагалось внести не слишком крупную сумму сильных эмоций. Делец с удовольствием сгрузил в пасть приёмника немало раздражения, скопившегося за время общения с нерадивыми подрядчиками. Приёмник сыто заурчал, свернулся калачиком и лениво повёл изумрудным хвостом: мол, платёж прошёл. Молодой предприниматель почесал мохнатого за ушком, склонился над перламутровым миром и мягко перетёк на его таинственные просторы.

Пригласить любимую на открытие галереи оказалось замечательной идеей. Юный бог-стажёр прямо-таки сиял от ощущения полноты и совершенства мироздания. И самое главное, рядом с ней незачем это сияние прятать. Незачем притворяться кем-то другим. Незачем давить из себя слова, которые всегда так тяжело ему давались. Можно просто молчать и наслаждаться.

Был, правда, неловкий инцидент возле приёмника, упорно дёргавшего рубиновым хвостом в ответ на жалкие подачки двоих влюблённых. И бог-стажёр, и богиня-студентка были существами жизнерадостными, незамутнёнными, поэтому расхожей валютой малообеспеченные. Хорошие эмоции ведь не захочешь отдавать. Но всё же вместе удалось наскрести: у неё были угрызения совести (намеренно отказалась помочь сокурснице с затыком по учёбе, убежала на свидание), у него были всякие фрустрации (не получалась одна хитрая загогулина, без которой производство амброзии встанет намертво).

Наконец, они оказались в волшебном, желанном мире – вдвоём.

Бурогубая богиня-искусствовед строго качала головой. Тёплый ветерок перебирал короткие жёсткие волосы, ноги терялись в высокой золотистой траве. «Какая банальщина», – составила критик своё бескомпромиссное мнение об этом жалком мирке. Потом решила всё-таки немного осмотреться. Из двух слов рецензию не составишь: читатели будут не в восторге.

Каким надо быть самонадеянным, чтобы с такой неоригинальной работой претендовать на первое место? А претендуют-то они все. Этот креатор цены себе не сложит.

План рецензии уже вырисовывался в голове. Брезгливо стряхивая крупных цветастых бабочек, доверчиво сядившихся на острые плечи, богиня обдумывала фразы и пассажи. «Организован мир стандартно: шар с одним светилом, по параллелям разделён на сектора, плавно переходящие один в другой. Каждый сектор размером с небольшой парк. Набор развлечений для влюблённых не поражает оригинальностью: пастель, пастораль, туманы и закаты, звёзды и водопады, разрушенный город при полной луне, залитый солнцем луг для пикника, зона радуг и мыльных пузырей, зона обычного дождя, зона метеоритного дождя, зона бушующего моря...» Так, нельзя всё в одну кучу. На выходе возьму буклет, чтобы описать каждую зону в двух-трёх словах и ничего не забыть.

Надо отдать должное автору: создать бушующее море на пяточке размером с плевков непросто. Да и организовать ход светила так, чтобы на большей части мирка были либо закат, либо рассвет, либо ночь, тоже та ещё задачка. Возможно, светило движется рывками? Быстренько пробегает теневые зоны за время технического перерыва, чтобы они не переохладись? Спрошу у галериста.

Переходы от зоны к зоне, наверное, тоже заставили автора вспомнить всё, чему учили в Университете креаторства. Ведь водища из зоны ливня направляется строго в бушующее море в другом полушарии, а в прочие сектора не выплёскивается. Согласна, технические проблемы решены весьма изящно и не без выдумки. Но искусство – это не только техника.

Богиня-критик по широкой дуге обошла пасущегося единорога (который, вообще-то, не выказывал враждебных намерений). Скривилась, осматривая представленную панораму: сплошные штампы. Горы выше неба, слепящее сияние непокорённых вершин, дивные цветущие луга, воздух, насыщенный ароматами свежести, свободы, сладости. Жужжание и треск насекомых...

Единорог мягко ткнулся мордой в бедро зазевавшейся богини. Та отпрыгнула шагов на пять, покраснела вся, заозиралась, не видел ли кто. Единорог приветливо кивал и явно предлагал юной деве сесть, чтобы он мог уложить голову ей на колени.

«Иди отсюда, не пали меня!» – зашипела богиня-критик и поспешила удалиться. Горькое, худое лицо её от смущения казалось ещё более некрасивым.

Так уж повелось, что сотворённые (не рождённые) боги редко выходят симпатичными. Известная креатор-авангардистка, разочаровавшись в противоположном поле, создала дочку «для себя». Впрочем, натура ветреная, она быстро потеряла интерес к материнству и с головой ушла в свои дерзкие проекты. Девочка росла дикой, неухоженной, недолюбленной. Потом, став девушкой, поняла, что, ко всему прочему, она ещё и некрасивая. Пришлось эксцентрично одеваться, ярко краситься, обвешиваться кричащими аксессуарами вроде любимой кислотно-зелёной шали-сетки и «качать интеллект», как нынче модно говорить.

Шагая по деликатно шуршащему осеннему лесу, богиня-критик напрягала все душевные силы, чтобы сдержать беспричинные слёзы. Единорог незаметно плёлся позади. Всё-таки девы – редкие, сказочные существа. Уж если приласкать себя не даёт и голову на колени положить не позволяет, надо хотя бы издали полюбоваться, пока есть возможность.

Делец ощупывал, простукивал и измерял всё, что подлежало подобным проверкам. Он был бог-самородок, то есть появился ниоткуда сам по себе. Такое случается, естественно. Так было с Первобогом. Откуда бы развился весь мир, если бы Первобог не отделился от Хаоса Изначального?

Понятно, никто не любит ошеломительно красивых, атлетически сложенных, самоуверенных выскочек. Поэтому богу-предпринимателю пришлось побороться за место под светилом, потолкаться локтями, походить по головам. Он привык надеяться только на себя, всё

делать сам, всё пробовать на зуб. Но сейчас он вымотался: целый день испытывал материалы этого мирка на прочность, проверял на достоверность все ощущения, предлагаемые автором проекта, принимался, прислушивался, приглядывался. Устал. Сел на краю обрыва, вдыхая густой запах джунглей, наслаждаясь феерическим закатом.

Пожалуй, материалы добротные. Механика мира сработана на совесть. Природные красоты убедительные. Наверное, очень педантичный этот креатор. И мастер своего дела. Каждая деталька на месте, каждая мелочь продумана и органично вписана в общую концепцию. И расходные заказывал самые качественные. Осталось только понять, будет ли итоговый продукт популярен среди потребителей. Сам-то делец за потребителя себя не считал. Он был на редкость неромантичен, на всякие «ути-пуси» не вёлся и вообще находился сейчас в свободном полёте – то есть вполне комфортно чувствовал себя без спутницы. Поэтому, чтобы оценить потенциал мира, следовало понаблюдать за другими посетителями. Конечно, подслушивать нехорошо, но для благого дела можно.

«Сейчас, сейчас, только полежу ещё немного», – пообещал себе красавец шатен и отмахнулся от назойливого колибри. Почему-то щемяще хотелось петь. Бог-делец не стал противиться порыву и замурлыкал что-то бархатным голосом. Стайка колибри расселась на ветке, как гроздь живого винограда, и слушала, почти не перебивая.

Двое влюблённых забрели прямо-таки в фантастический сектор волшебного экспоната. Сначала была пещера, блистающая розетками кристаллов и подсвеченная снизу несказанным сиянием. Затем замёрзшее озеро вокруг мощного зелёного дерева. Там было совсем не холодно, в воздухе перемигивались светлячки, а изящные полупрозрачные создания леса показывали на льду произвольную программу. Потом была музыкальная полянка, где розоватые и фиалковые трубчатые растения трепетали от малейшего движения и выводили чарующе-тоскливую песнь о несбыточном. Потом озеро огромных кувшинок. Идёшь по гладким листьям, они нежно колышутся, а из воды арками выстреливают юркие струйки. В лучах, пробивающихся сквозь плотную листву, эти струйки блестят не хуже драгоценностей.

Юной богине подумалось: «Похоже, творец этого мира очень счастлив в любви! Иначе не смог бы создать такое идеальное место для прогулок со своей половинкой! Я бы здесь осталась, если бы могла!» А её спутник-стажёр, если и думал о чём-то, то мысли эти не облекал в слова. Даже думать логично и последовательно у него не получалось. Зато он радовался и наслаждался, упивался красотой вокруг, бабочками, колибри, самой лучшей из богинь рядом...

Накружившись, нагулявшись, насмеявшись, нацеловавшись, он и она легли под пышущим метеоритами небом. Прижались друг к другу. Сплели пальцы. Бог-стажёр был косноязычен, и его возлюбленная давно убедила себя, что нет ничего красноречивее прикосновений и объятий. Так они лежали, не проронив ни слова, опьянённые этим миром и друг другом, юные и счастливые. Едва заметная тень помаячила-помаячила неподалёку и уплыла прочь, несолоно хлебавши.

– Ты знаешь, я не мастак говорить, – тихо сказал тогда стажёр. – Но сейчас я, кажется, смогу выразить всё, что чувствую, складно и понятно.

Богиня-студентка приподнялась на локте. Приоткрытые от удивления пухлые губы поблёскивали в свете падающих звёзд.

– Мы сегодня видели много прекрасного и удивительного, и я рад, что мы открыли для себя это восхитительное место. Но знай, что ни в этом мире, ни в нашем, ни в каком другом нет ничего прекраснее и удивительнее тебя. Я хотел бы провести с тобой вечность и немного больше.

Девушка, не чаявшая услышать и простенького «я тебя люблю» без запинок, расплакалась и осыпала стажёра жаркими поцелуями.

Довольные метеориты устроили в небе триумфальный салют.

– ...думала сперва, что он много о себе мнящая посредственность.

Богиня-критик что-то настойчиво втолковывала единорогу, а он только вздыхал, устроив умную голову на коленях редкого существа. Тонкие нервные пальцы девушки гладили его морду и перебирали гриву. Это было неповторимо.

– А теперь вижу, что он креатор небесталанный. И хитрый паук...

Тут юная богиня вздрогнула от неожиданности. Возле её невзрачной особы вдруг материализовался загорелый мускулистый шатен, тихонько напевающий под нос нечто напористое, но при этом совершенно бархатное. Искусствовед рефлекторно ощетинилась, хотела было и единорога отпихнуть, но потом решила, что животное тут ни при чём. Попыталась сделать вид, что никого не заметила.

Поздно.

– Здравствуй, о дивная и сиятельная! – неотразимо улыбнулся красавчик.

Критик привычно усмехнулась, услышав стандартную форму приветствия незнакомки. Но зато ответную вежливость произнесла, не кривя душой:

– Здравствуй, о могучий и лучезарный!

– Я полмира обошёл, только одну парочку встретил, решил не мешать. А тут ты. Можно на «ты», да? Мне хотелось бы услышать твоё мнение об этом мире.

Предприниматель сел, потянулся погладить единорога, но тот фыркнул и отстранился. Очень легко и естественно рука бога-дельца оказалась на траве в миллиметрах от руки девы. Та зарделась, но нашла в себе силы ответить внятно.

– Только войдя сюда, готовила разгромную рецензию, в основном, из-за банальности. Погуляла немного и поняла, что да, банально, но при этом мило и трогательно. Походила ещё и чуть не разрыдалась. А потом вот. – Она повела локтями, имея в виду единорога. – Это совершенно на меня не похоже. Я и зверей-то не люблю. Боюсь даже. И не плачу почти никогда. В общем, полное ощущение, что здесь в воздухе разлито что-то такое, что на психику действует.

– Какая интересная мысль! – подбодрил искусствоведа шатен, проникновенно глядя в глаза. – Мне вот внезапно петь захотелось. Думаешь, тоже одурманили?

Он снова попытался погладить единорога. Тот всхрипнул, одним грациозным движением встал и возмущённо отошёл. Рука атлетичного бога будто невзначай легла поверх ладони новой знакомой.

– Но потом я поняла, что это глупости, ведь подобные приёмы запрещены. – Говорить без дрожи в голосе было всё труднее. – Конкурсные работы тщательно проверяются. Этот мир просто сняли бы с голосования, будь здесь хоть намёк на нечестную игру.

Молодая богиня положила голову на плечо бога-дельца.

– Да? Ну тогда замечательно. Мне это крайне важно знать. Я думаю, этот проект будет иметь колоссальный коммерческий успех. Тенденции рынка...

Единорог оставил парочку беззаботно щебетать. Предприимчивый бог приобнял несущую деву за талию. В приятной прохладе сумерек проникновенно запел соловей, вплетая свою мелодию в одуряющий запах сирени и влажный шорох ручья. Уставшие колибри и бабочки, до этого напряжённо наблюдавшие за ходом спецоперации, уселись на спину единорога. Тот тепло дохнул на них, обещая подбросить до джунглей: всё равно по дороге. «Отличная работа, ребята», – значил его жест.

А тем временем творец мира для влюблённых, налившись амброзии и разгромив с горя свою студию, заканчивал ваять нечто, полное депрессии, отчаяния, одиночества. Идеально для разбитых сердец. Добавлял последние штрихи и думал: «Чтоб тебя скрючило пополам

и не разогнуло! Гори ты ясно до седьмого неба, та, что вдохновила меня на создание целых двух шедевров!»

Под цветущей яблонькой

На высоком холме, под дивно цветущей яблонькой сидел пожилой бог в ярко-синем, расшитом журавлями халате. Иссущённый, глаза-щелочки, кожа, как залитая чаем бумага. Острый нос, длинные овальные ногти. На ладони бога лежал нежный, чуть розоватый цветок. Старик задумался, опустил веки, выставил перед собой вторую ладонь, и на ней, будто из пыльцы и света, соткался точно такой же цветок. Только на одном лепестке был едва заметный изъян, словно крошечная букашка хотела было им полакомиться, но потом устыдилась и отправилась искать пищу попроще, поглубже. Старик вздохнул, большим пальцем погладил сотворённый цветок, а потом бережно положил оригинал и копию на землю. Прикрыл глаза и тихонько замычал, дыша глубоко и ритмично.

Долго ли, коротко ли, на холм поднялся худенький подросток в ярко-оранжевой рубашке и таких же шароварах. На гладко выбритой голове его блестели капельки пота и рыжие отсветы. Мальчик встал на колени перед богом в халате, поджал под себя босые ноги, коснулся лбом земли и застыл, пока мастер-копиист не прервал свое мычание и не разрешил ему распрямиться.

– Что привело тебя сюда, отрок? – мелодичным, совсем не стариковским голосом спросил копиист.

– Я пришёл научиться твоей мудрости, о несравненный в искусстве воспроизводить и повторять, – звонко ответил мальчик.

Копиист сощурился, поджал губы. Что-то ему не нравилось в этом подростке.

– У меня довольно учеников, отрок. Сейчас я не принимаю новых.

Он перевёл взгляд на голубеющий горизонт, давая понять, что разговор окончен.

– О великий и уникальный! О во всём подобный лучшим из творцов! Нет, прости меня, недостойного, не просто подобный, а во многих добродетелях их превзошедший! – затаил подросток, снова ткнувшись носом в землю. – Разве кто-то сравнится с тобой в знании ремесла? Разве есть другой специалист, столь подкованный в истории креаторства? Разве есть у кого-то, кроме тебя, такой обширный арсенал техник, умений, приёмов? Ты ли не средоточие всех лучших открытий и методов, которые подарили нам гении в прошлом? Ты ли не озаряешь наш мир своим трудолюбием, прилежанием и терпением? Неужели ты не уделишь хотя бы толику внимания ребёнку, жаждущему постичь суть твоего искусства? Неужели не прольёшь хоть лучик света во тьму моего невежества? Неужели пожалеешь капли воды для опалённого зноем ростка?

«Как-то слишком ловко выплетает», – подумалось копиисту. Но мальчишка его уже подловил: старик просто обожал наставлять неучей. И ещё любил высокий слог (даже сам с собой говорил чопорно и витиевато). Ну и на лезть падок был до крайности.

– Встань, красноречивый отрок, – смилостивился мастер. – Хотя ты воистину достоин пока обучаться у меня, совсем непросвещённым отпустить я тебя не могу. Спрашивай.

Подросток вскочил, отряхнул колени, вытер нос рукавом, погладил мочку уха.

– Скажи, о мудрый учитель, что нужно, чтобы делать копии миров?

Старик почесал лысину под смешной маленькой шапочкой с квадратным верхом.

– Сложный вопрос для незрелого ума. В двух словах на него не ответить. Нужен талант, ничуть не меньший, чем у создателя оригинала. Нужны чутьё и усидчивость. Нужно долго и упорно учиться: история нашего мира, история искусств, материаловедение, композиция, юриспруденция, сольфеджио, полный курс Университета креаторства. Нужно досконально знать автора и оригинал... Но голого знания, безусловно, недостаточно.

Копиист вошёл во вкус. Размахивал широкими рукавами, так что вышитые на халате журавли хлопали крыльями, перебирали голенастыми ногами, выгибали шеи, щёлкали клю-

вами. Вокруг старика возникали полупрозрачные скрижали с формулами, полки со свитками, восковые доски со схемами. То и дело выскакивали яркие таблички с объявлениями о лучших товарах для профессионального креатора и заманчивые приглашения на разнообразные практические курсы. Интересно, хрычу приплачивают за размещение рекламы?

– Нужно в полном смысле слова стать автором. Понять, в каком он был эмоциональном состоянии. Что думал, на что смотрел, в какое время суток творил, хорошо ли спал, что ел, часто ли входил к супруге. Это очень важно, мелочей здесь нет. Притом спрашивать у него самого бесполезно: он может приврать, а может и вообще не помнить. Здесь автор, так сказать, не авторитет. Копиист должен сам всё знать лучше него. Сам, всегда и всё сам...

Любопытный отрок кивал бритой головой, словно фарфоровый болванчик. Теперь старик начал расхаживать взад-вперёд, то и дело сильно лупя ребром ладони по яблоньке, чтобы подчеркнуть важность сказанного. С молодого деревца дождём осыпались беззащитные лепестки.

– Нужно понять, что думал креатор, создавая то или иное явление, тот или иной закон своего мира. Нужно проникнуть в самую суть его замысла, ощутить, что он хотел сказать каждым приёмом, каждым движением умелой руки. И тут, повторюсь, автор не авторитет. Нужно всё его произведение распустить от последней и до самой первой петельки – в переносном смысле, конечно, – посмотреть, что, в каком порядке и как он делал (это, мой неискушённый друг, называется обратный инжиниринг). А потом повторить путь создателя от начала до конца.

Копиист говорил всё громче, тряся жиденькой, зато очень длинной седой бородёнкой. Иногда даже слюной брызгал. Эк его проняло-то.

– Но и это не всё. После стольких мук и терзаний, после кропотливого изучения и воссоздания, после парения наравне с величайшими мастерами, нужно готовиться к безвестности и пренебрежению со стороны общества. Нужно смириться, что помнить будут не тебя, а автора. Что никто и никогда не будет благоговейно восхищаться твоей работой, все будут хвалить оригинал. Максимум, скажут, что он передан очень верно.

Старик замолчал на минуту, то ли задумавшись, то ли переводя дыхание, то ли сдерживая набежавшую слезу.

– А самое страшное то, что копия всегда чуть хуже оригинала. Хоть на волосок, хоть на микроскопическую песчинку, но хуже. И этого никак не изменить. Это закон копий.

Он удручённо опустил взгляд, будто рассматривая свои расшитые черевички с крадущимися среди снежного пейзажа тиграми.

– А сколько времени уходит на создание копии? – тихонько поинтересовался мальчик.

– Не меньше, чем на оригинал, – отрезал старик. – Но если потом закажут ещё одну копию, то бывает, что получается чуть-чуть быстрее.

Обнадёжил.

– А можно ли сделать несколько копий сразу?

Отрок тут же понял, что дал маху. Копиист рассвирепел. Тигры зарычали, журавли воинственно заклекотали, растопырив перья. Яблоня осыпалась вся и разом. Вплоть до листьев.

– Бестолковый, бесталанный, бесцеремонный глупец! Как только грязные губы твои дерзают произносить такое святотатство? Только что я говорил о законе копий! Сделай несколько сразу, и отличия от оригинала будут заметны даже безмозглому обывателю вроде тебя! И тогда это будут не копии, а дешёвка, ни на что не годная подделка! Убирайся с глаз моих, позор своих родителей, и не смей возвращаться!

Мальчик помчался с холма со всех своих босых ног, почти чувствуя, как полупрозрачный журавль, покинувший шёлковую гладь халата, пытается клювом продолбить ему бритую макушку. Забившись в узкую щель меж каменных глыб, отрок в оранжевых одеждах помахал руками перед лицом, развеивая морок. Выдохнул, унял колотящееся сердце. Всё-таки личина

иногда накладывает отпечаток на манеру поведения. Надо в следующий раз внимательнее быть, держать её в узде. Парнишка дёрнул себя за ухо.

И через мгновение из щели вышел худющий молодой бог с ярко-рыжими волосами. Отряхнулся, посмотрел на вершину холма, где под облысевшей яблоней лютовал задетый за живое копиист. Ничего, пусть побесится. Творческим личностям это только на пользу.

Тратить на копию столько же времени, сколько на оригинал, глупо. Делать только одну копию глупо. Этот болтливый зануда живёт в собственном затхлом мирке, в хрустальной капсуле, и не удосуживается выглянуть наружу. Либо выглядывает раз от раза, но из-за косности своей не видит, что реалии изменились. Ну и сатир плешивый с ним. Наверняка кто-то из его учеников не столь щепетилен.

Довольно насвистывая, рыжий сорвал травинку и зашагал к унылым лачугам, где жили подмастерья. Скромность, самоуничижение и аскетизм считались в их кругах добродетелью. Молодой трикстер лукаво хмыкнул, дёрнул себя за ухо и превратился в иссушённого старика в шёлковом халате с журавлями.

Устроим простачкам маленький экзамен-допрос. Не зря ведь говорят: нигде так не учишься, как на экзамене.

Дневник пропавшего вестника

Настоящее!

Записывать надо было, позабывал много. Место уникальное. Настоящее!

Думал, я зрелый бог, аттракционы перерос. Ха!

Главное, своя душа – потёмки. Оказалось, экстрим, перевоплощения, смерть – это моё! Сам себя удивил.

Наверно, у наших переполох. Где же вестник? Вернусь нескоро! Большой уже, вправе решать, где и как жить.

Самое смешное – время. Его здесь считают. Минуточки, секундочки, часочки, денёчки. Понятно: живут-то – тьфу!

А ещё деньги. Бесполезные кусочки материи. Не то что у нас. У нас эмоции сам производишь, сам в дело пускаешь. Из них облака взбиваются. Мебель там, стройматериалы. А тут деньги – бумажки да кругляшки. Есть их тоже нельзя.

Боль. Если ты бог, надо испытать хоть раз.

Смерть. Ну это супер! Хоть миллион раз умри, а ещё хочется. Пойду, кстати, с парашютом прыгну. Вдруг не раскроется?

Парашют – ничего особенного. А вот неправильно сложенный парашют – уже кое-что.

Побыл бомжом до самой смерти. Вонь, зуд, грязь. Унижение, саморазрушение, палёная водка. После стерильных небес очень ново и свежо. Пьяные драки – тоже потешно.

Кактус. Прекрасное, вдумчивое, степенное существо. Мелкие частички всего, что меня окружает, так мягко оседают на иглах. Впитываю излучение монитора и балдею.

Рожал мини-человека. Не понравилось. Жизнь можно творить гораздо чище и изящнее.

Кот. Наглый, высокомерный, эгоистичный. Самое оно! Подбрасывал хозяйке шерсть в суп, будил в три часа ночи, гадил на подушку. Даже не заметила, что зверь странно себя ведёт.

Президент. Что бог, что президент, разницы ноль. И простор для шалостей!

Тектоническая плита. Вот это мой темп! Тёплая магма щекочет пузцо. Наехать, что ли, на Америку? Тектоник-стайл.

Звезда эстрады. Выдаёшь низкопробную чушь, а они хавают и просят ещё. Даже совестно как-то.

Психотерапевт. Ох, ё...

Гастарбайтер. Всего одну жизнь так прожил, а ночь через ночь неровная кладка снится.

Ламантин. Вымереть со скуки можно.

Пчелиный рой. Рассеянным становлюсь после экспериментов с коллективным разумом.

Буйно-помешанный. Свобода во всём! Научил пару психов летать. Медбратья снимали их с потолка швабрами. Лица каменные, как будто там такое каждый день. Хотя...

Уличный фокусник. Жру шампуры и плююсь живыми мышами, из глазницы достаю ключи, в ладони вкручиваю болты. А они монетку жлобят, думают, иллюзия. Устал.

Улитка. В маслице, с базиликом и чесноком. Под белое винцо. Сам бы себя съел.

Кстати, пристрастился к еде. Этот мир затягивает!

Преподаватель высшей математики. Нищета и безысходность.

Подарил старушке термос-самобранку. Пусть хоть поест годок, а там и в землю можно.

Услышал сегодня глупость: «Рождённый ползать летать не может». Вы что, люди, бабочек не видели?

Олень. Попал под машину. Ощущения 7 из 10.

Помогал маньяку избавляться от трупа. Этот мир – для рыцарей-идеалистов. Сразу чувствуешь: здесь твою помощь по-настоящему ценят.

Ель. ДСП, картон, туалетная бумага. Не понравилось.

Цирковой гимнаст. Вот это моё! Адреналин! Доживу до клоуна, потом пройду за медведя.

Цирковой медведь. У-у-у...

Чайка. Лечу и гажу на всех. Красота! Вонючая рыба и вкусняхи на свалке. Я чревоугодник!

Решил умереть от ожирения. Так себе смертишка, без огонька.

Умер на пожаре. Тут с огоньком, ничего не скажешь. Надо будет как-нибудь повторить.

Комар. З-з-з-з-з-з. Хлюп-хлюп. З-з-з-з-з-з. Хлоп!..

Девочка. В детсаду раза три прослушал идиотскую историю про то, как яйцо били-били, а потом плакали, когда оно разбилось. Люди, алё! Вы зачем этот бред детям рассказываете? Где мораль-то?

Вредной няне на время удлинил язык так, что она могла его вокруг шеи обмотать. А пусть не заставляет эту баку есть!

Оживлял рисунки одноклассников. Приятный сумбур! Палочковые чудища разбежались по улицам и застыли на заборах. Хотя эти заборы уже ничем не испортишь.

В тихий час из кроватей сделал корабли, из зала – беспокойное море. Играли в абордаж. Ребёнок быть иногда прикольно. И запеканка с киселём зашибись.

Давно мечтал побыть хоть немного креатором. Сделался модельером. Выдаёшь несуразное уродство, а они хватают и просят ещё. Даже совестно как-то.

Нет, это мир бесконечных возможностей! Сколько специализаций можно примерить! Как же скучно живём мы, боги!

Сидел на детской площадке с компашкой алкашей. Читал им наших поэтов, дал нектара глотнуть. У них глаза на лоб, языки наружу. Через пару дней пробежал там пуделем, смотрю – все чистенькие, трезвенькие, в костюмчиках. Работу ищут, вздыхают о небесном. Вот что слово животворящее с людьми делает!

Вдохнул жизнь в засохшую мушку на окне. В птенца, выпавшего из гнезда. В крысу возле мусорника. В ракового больного. Этим людишкам нужен спаситель. Этот мир создан для того, чтобы его спасали!

Дикарь под пальмой. Вместо обуви – расплющенные пластиковые бутылки на завязках. Прилетай скорей, волшебник, в гуманитарном вертолете!

Рыба в Байкале. Таким чистым давно себя не чувствовал! Видно, чистота и порядок не для местных.

Тибетский монах. Научил всю обитель не дышать. Научу человечков не есть, и проблема голода решена! Хотя... если они не будут есть, то и я никогда больше не отведаю любимую паэлью? Нашли дурака, пусть сами с голодом разбираются!

Микроб. Мелко это для моей натуры.

Работник музея. Что твой кактус, пылью покрываюсь.

Официантка. Достали за булки хватать. Сделал хватателям вместо рук по упругой женской заднице. Целуйте и тискайте на здоровье, мне не жалко!

Фрезеровщик. *****, оно конём! *****, пальцы посыпались!

Блоха. Прыгай, пей и размножайся! Sex, drugs, rock-n-roll!

Думал тут про этот мир. Любой мир – отражение создателя. Сколько здесь невыполненных желаний, невыплеснутой агрессии, тайных комплексов и явных противоречий! Креатор взял и выместил ощущение ненужности, забитости и отверженности на беспомощных человечках. Стыдно должно быть! Автору надо к психотерапевту. Я и психом был, и психотерапевтом, я-то знаю.

Телеведущий. Нет, читать новости неинтересно, это уже было и надоело. Надо новости создавать!

Я каскадёр.

И ещё раз каскадёр.

Опять шею сломал. Ничего, и ещё раз каскадёр! Каскадёр – это призвание.

Дельфин. Вот это я понимаю, разумные существа. Только их тема в мире раскрыта поверхностно.

Нет, я уже не вернусь. Буду и дальше менять судьбы, спасать, шалить, умирать, чревоугодничать. Подсел на новые впечатления, а их тут хватит на две вечности с хвостиком.

Вот думаю, не махнуть ли в другую эпоху? Поиспытывать первые самолёты, погореть на костре, поболеть чумой, погоняться за мамонтами, поохотиться на диплодоков. Вот где экстрим и адреналин! Не жди к обеду, мама, я штурмую Карфаген!

Мастер-класс

– Не понимаю, зачем всё это, – мямлил молодой креатор.

Бог-организатор устало возвёл очи к облачному потолку.

– Лицо напудри и глаза подведи. На встречу с поклонниками идёшь.

– Дамские затеи, – буркнул сын, но пуховку с пудрой всё же взял.

– Не дамские. Так любая публичная персона делает. Или думаешь, этот новый вестник, Карри Линг, от природы весь такой холёный?

Бог-организатор любовно уложил роскошную бороду колечками, припудрился.

– Тогу одёрни, топорщится спереди. Теперь волосатые ноги видны. Хаос Изначальный, ты вообще можешь что-нибудь сделать без моих подсказок и помощи?

Отец принялся поправлять на тощем креаторе тогу. Сын с тоской думал о том, что в присутствии папы и под его безжалостным взглядом он всегда терял даже те малые крохи ловкости, которые выработал упорными тренировками.

– И не смотри на меня, как лупленный грифон. Ты наконец создал что-то стоящее, общество заинтересовалось, надо ловить момент, надо пользоваться успехом! – От возбуждения организатор криво подвёл сыну глаз и теперь стирал жирную линию послунявленной тряпицей. – А ты сидишь в мастерской, сопли жуёшь. Если ты не будешь зарабатывать на своём производстве, на нём нагреют руки другие! Я на днях слышал, что кто-то настряпал копий «Лучшего из миров» и бессовестным образом продаёт там и сям! А ты хоть бы почесался!

Неуклюжий креатор как раз хотел почесать напудренный нос. Но передумал.

– Нормальный бог сам бы разведал, что к чему, нашёл ловкача и навсегда отучил бы его воровать чужую интеллектуальную собственность! Но нет, тебе это неинтересно! Опять на папочку надеешься!

– Папа, но я же не просил... – робко начал творец.

– А папа не железный! Папа плюнет когда-нибудь, сам будешь выплывать, как хочешь. – Раздражённый родитель не слушал. Карандаш для век в его руке плясал и явно хотел нарисовать на лице креатора что-то абстрактное. – Ладно, хорош болтать. С мошенником я разберусь. Параллельно будем тебя и твой мир раскручивать и продавать. Об одном прошу: не облажайся перед публикой.

Организатор осмотрел своё чадо, счёл, что выглядит оно удовлетворительно. Осмотрел и себя. Чмокнул сына в лоб и потащил к заждавшимся поклонникам.

– О дивные и сиятельные! О могучие и лучезарные! – пророкотал бог-организатор. – Добро пожаловать на нашу уникальную встречу!

В небольшой аудитории собралось десятка два ценителей прекрасного. Они чинно расселись парами за удобные парты, перед каждым лежали небольшая коробочка и матово-чёрный шарик размером с крупную сливу. Пришедшие на встречу улыбались и хлопали своему нескладному кумиру. Тот изобразил на лице нечто приветственное и робко помахал рукой.

– Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Университет креаторства за то, что нас так тепло приняли в этих стенах, и Карри Линга, который не смог поприсутствовать, но отрядил к нам свой затылочный глаз для освещения события, – продолжал предприимчивый бородач.

Глаз жужжал как пойманный шершень. То кружился над головами, то заглядывал в лица, то подлетал вплотную к разным предметам, чтобы получить сочный крупный план. Некоторые дамы морщили носики, но все уже были в курсе, что Карри Линг новатор, так что ничего иного от него и не ждали.

– Сегодня уважаемые зрители смогут больше узнать о любимом творце, научиться азам создания миров под его чутким руководством. А присутствующие в зале, ко всему прочему, смогут задать вопросы и получить автограф!

– У меня вопрос!

С места вскочила пожилая богиня с короткой стрижкой. На пальце её блестело кольцо с камнями, а в глазах скакали такие бешеные огни, что богу-организатору стало слегка не по себе. Надо что-то делать с этой дамой, иначе сынуля совсем сдуется.

– Но вопросы чуть позже, сейчас послушаем победителя конкурса молодых талантов и создателя «Лучшего из миров»!

Зеленоглазый старикан попытался усадить бушующую супругу, но не тут-то было.

– Да, послушаем! – выкрикнула она, потрясая дрябнувшей рукой. – Пусть расскажет, как у него хватило окаянства создать такой жестокий мир! Пусть расскажет, в каких условиях живут там человечки! А вы, лизоблюды, только и умеете восхищаться: «Ах, какой шедевр!» Вам наплевать, что эти убогие существа страдают!

Молодой креатор смешался. Он то краснел, то бледнел, хватая ртом воздух. Облачный пол под его ногами стал потихоньку проседать: видно, незадачливому творцу очень хотелось провалиться, но курса прохождения сквозь материальные объекты он не брал.

Тут вмешалась юная богиня очень и очень приятной внешности. На шее, запястьях и щиколотках её звякали многочисленные висюльки. Длинные прямые волосы колыхались, будто водоросли в прозрачной реке.

– Вы не имеете права так говорить! Автор создал мир страдающих человечков, чтобы через их страдания мы стали лучше через сострадание... ой, то есть... В общем, мы должны их жалеть, и это сделает нас лучше! И мы тогда бережнее будем относиться к окружающим. И вообще, мы не лизоблюды!

Она распалялась, запинаясь, колыхание волос казалось всё более угрожающим. Теперь пряди напоминали разворошённый клубок переплётшихся змей. А звон висюлек нарастал и становился невыносимо-тонким, так что скулы сводило.

– Мои богини! – воскликнул организатор, перекрывая жуткий писк. – Пожалуйста, соблюдайте приличия! Иначе охране придётся вас вывести.

Звон прекратился. Вся пунцовая, юная красавица плюхнулась за парту. Её сосед, высокомерного вида зрелый бог, отодвинулся от неистовой шевелюры на самый краешек стула.

– А я сама уйду, – фыркнула пожилая активистка. – С превеликим удовольствием!

Зеленоглазый старик подобрал какие-то плакаты (прижал их текстом к себе) и ушёл следом, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Дверь за ними захлопнулась, и аудитория мгновенно наполнилась непроглядным вонючим дымом. Боги закашлялись, несколько минут ушло на развеивание смога. Последние клочки его упорно висели над креатором, притом в виде надписи «Вот чем дышат человечки в мире этого изверга».

– Досадный инцидент, – покачал головой бог-организатор, когда всё более-менее устаканилось. – Но гении часто сталкиваются с непониманием и даже агрессией. Ну что же, муж ей судья, а мы продолжим нашу встречу. Попросим нашего уважаемого креатора рассказать немного о том, как создают миры.

Бедолага проблеял что-то неразборчивое. Начинается... Публика завозилась, сейчас будет расходиться.

– Может, покажете на примере? Ну, то есть, наглядно... – подсказала красавица в висюльках, протягивая креатору матовый шарик. Волосы её мелко трепетали.

Споткнувшись всего пару раз, молодой талант подошёл к поклоннице.

– Существует множество способов создавать миры. Самое интересное, конечно, с нуля. Каждый креатор старается придумать оригинальный метод сотворения, – начал он неуверенно. Но потом поймал волну и продолжил уже смелее: – Кто-то дышит на ладони, и из этого дыхания рождается жизнь. Кто-то выкликает имена, и на зов являются предметы и понятия. Один классик любил что-нибудь разбить, и из осколков выстраивать новое. Другой высасывал мир

из пальца, третий, прошу прощения, ковырял в носу и скатывал шарик-заготовку из того, что там находил.

– А как создаёте миры вы? – поинтересовался молодой бог моды с падающей на глаза чёлкой. Под тогой его виднелись щёгольские узкие брючки до шиколоток.

– С нуля, – ответил креатор, перебрасывая шарик из одной руки в другую. – Беру произвольное число, беру ноль и начинаю делить. Каждый раз новая бесконечность получается. А с бесконечностью работать очень удобно, хоть это и кропотливый труд. Однако что-то мне подсказывает, – улыбнулся автор с несвойственным лукавством, – что собравшиеся здесь не собираются вечность положить на это благородное искусство.

Изящная богиня в висюльках хихикнула так, будто слышала первосортную хохму.

– Креаторство требует полного самоотречения, затворничества, постоянной внутренней работы, сомнений и метаний. Чтобы заниматься им всерьёз, у вас должно быть призвание, вы должны отдать ему всю жизнь. Но если у вас другие планы, креаторство может стать одним из ваших хобби. В конце концов, вечность для того нам и дана, чтобы развиваться, учиться, пробовать новые виды удовольствия, радоваться открытиям.

Тощий оратор взял с парты поклонницы коробочку.

– В таком случае, для вас идеально подойдёт набор начинающего креатора. Вот этот шарик – кусочек Хаоса Изначального в концентрированном виде. В коробочке несколько полезных приспособлений и брошюра с дельными советами.

Бог-организатор тем временем прохаживался между рядами и тихонько спрашивал у каждого участника, какую надпись высечь на памятных скрижалях для автографа.

– Погрейте заготовку в ладонях. Ощутите её потенциал. Представьте, что в ней скрыто от глаз, что можете явить взгляду только вы. Потом скажите «да будет свет», или «здесь будет вода, а здесь суша», или «фрикадели отдельно, мошки отдельно», или «даёшь дуализм» – всё, на что хватит воображения. И разломите шарик пополам.

Боги за партами послушно начали ощущать, фантазировать и разламывать. Красавица с колышущимися волосами, затаив дыхание, приняла тёплый шарик из рук преподавателя. Организатор, почти уверившись, что сынуля справится, сел в сторонке, положил перед собой стопку скрижалей и инструменты, подвязал шикарную бороду, чтобы не мешала. «Законодатель мод от автора „Лучшего из миров“», – наметил он тонкими красивыми линиями на первой пластине. Не зря когда-то на каллиграфию ходил.

Креатор внимательно смотрел за работой собравшихся, поправлял, подсказывал.

– Теперь в зависимости от вашей задумки, можете разделить имеющиеся противоположности ещё раз, даже несколько раз. Только не спешите, делайте всё поэтапно. Либо можете пока остановиться и добавить текстуры из вашего набора.

Затылочный глаз Карри Линга дотошно изучал содержимое раскрытой коробочки. Высокомерного вида бог с бордовым шейным платком спросил:

– А когда мы будем заселять туда разумных существ?

– Вы забегаете вперёд, о могучий и лучезарный. – Молодой творец вошёл во вкус и решил, что, если создавать миры ему когда-нибудь наскучит, он обязательно станет преподавать. – Для начала надо полностью проработать для них среду. Ландшафт, климат, растения, животные. Разумные, знаете ли, должны чем-то питаться, а ещё им полезно чем-то занимать свой мозг. Поэтому мы и создаём сначала мир, потом жителей.

– А обязательно делать их из глины? – бойко поинтересовалась плотная дама, успевшая перемазаться Хаосом по самые локти.

– Это традиционный материал, но можно экспериментировать и с другими. Только помните, что материал накладывает отпечаток на итоговый продукт. Если будете лепить человечков, прошу прощения, из дерьма, то какой бы красивой ни была фигурка, человечек выйдет дерьмовый. – Креатор потёр худую шею. – Однако это можно использовать в качестве художе-

ственного приёма. Скажем, четыре пятых человечества из глины, одна десятая из железа, одна десятая из дерьма. Весьма интересная картина должна получиться.

На задних партах зашушукались и захихикали.

– А если, к примеру, я хочу, чтобы мир подчинялся определённым законам? – спросил робкий неприметный бог со въевшимся в лицо выражением постной серьёзности.

– Физические законы прописывают на этапах начального разделения – для каждой стихии или же для всех сразу, – охотно разъяснил наставник. – Опытные креаторы продумывают их загодя, а в процессе создания мира просто чётко воображают себе желаемые аксиомы. С разумными существами сложнее. Они во многом повторяют своего творца. У меня вот проблемы с логикой, так что сделать миры полностью логичными не выходит, хоть ты тресни. Так что, если у вас, к примеру, нет чувства юмора, наделить им своих человечков никак не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.